Н. В. Никольскій.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ МИЛЬКОВИЧА,

ПИСАТЕЛЯ КОНЦА XVIII ВѢКА,

О ЧУВАШАХЪ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Казанскаго Университета.
1906.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Арх., Ист. и Этн.
при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.
Секретарь Общества *К. Харламповичъ.*

2007042866

Отдѣльный оттискъ изъ XXI тома, вып. 4-го, «Извѣстій» Общества Арх. Истор. и Этн. за 1905 годъ.

Этнографическій очеркъ Мильковича.

писателя конца XVIII вѣка, о чувашахъ.

Вѣкъ императрицы Екатерины II можетъ быть названъ вѣкомъ оживленія этнографіи. Интересуясь положеніемъ разныхъ народностей имперіи для цѣлей законодательства, она не упускала изъ вида и науки объ инородцахъ. Говоримъ такъ на основаніи программы правительства, разосланной по магистратамъ, нижнимъ земскимъ судамъ и прочимъ учрежденіямъ. Оффиціальная программа заключаетъ въ себѣ вопросы административнаго, историко-археологическаго и даже геологическаго свойства.

Кромѣ свѣтскихъ лицъ, къ доставленію свѣдѣній на вопросы программы были призваны и духовныя лица. Извѣстны этнографическіе наброски Дамаскина, епископа нижегородскаго и алатырскаго, о чувашахъ и мордвѣ, напечатанные А. Можаровскимъ въ Московскихъ церковныхъ вѣдомостяхъ за 1880 г. № 5, подъ заглавіемъ: „Вѣрованія, молитвенныя призыванія и обряды чувашъ и отчасти мордвы нижегородской епархіи по сообщенію преосвященнаго Дамаскина императрицѣ Екатеринѣ II“.

Изъ должностныхъ лицъ симбирскаго намѣстничества [1]) особенно много потрудился надворный совѣтникъ Тимоѳей Масленицкій. Характеръ своей работы Масленицкій указалъ уже въ самомъ заголовкѣ своей рукописи. Приводимъ этотъ

[1]) Въ составъ намѣстничества входили слѣдующія округи съ чувашскимъ населеніемъ: буинская, сенгилеевская, канарейская, тагайская, симбирская, карсунская, городищенская.

текстъ полностью. „Топографическое описаніе симбирскаго намѣстничества вообще и порознь городовъ и уѣздовъ и обитающихъ въ немъ иноязычныхъ народовъ по запроснымъ пунктамъ отъ Кабинета Ея Императорскаго Величества 1784 года.

Сочиненное изъ доставленныхъ свѣдѣній о городахъ отъ городскихъ магистратовъ обще съ комендантами и городничими, объ уѣздахъ нижнихъ земскихъ судовъ и отъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, съ пріобщеніемъ историческихъ касательно до старины здѣшней, надворнымъ совѣтникомъ Тимофеемъ Масленицкимъ".

Въ своемъ изложеніи Масленицкій строго слѣдуетъ полученной отъ Кабинета программѣ. Отвѣты его на вопросы можно назвать лаконическими. Цѣнны въ его описаніяхъ статистическія свѣдѣнія о народахъ, обитавшихъ въ симбирскомъ намѣстничествѣ, объ ихъ занятіяхъ, школахъ, церквахъ и монастыряхъ среди инородцевъ.

Конецъ рукописи Масленицкаго заключаетъ въ себѣ спеціальныя описанія быта татаръ, мордвы и чувашъ, сдѣланныя уѣзднымъ землемѣромъ Мильковичемъ. Первые два очерка отпечатаны нами: о татарахъ—въ „Извѣстіяхъ по Казанской епархіи" за 1905 г., о мордвѣ—въ „Тамбовскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ" 1905 г. № 18 и отдѣльными брошюрами [1]). Какъ тамъ, такъ и здѣсь нами удержанъ первоначальный текстъ упомянутыхъ очерковъ.

Этнографическій очеркъ Мильковича о чувашахъ впервые появился въ печати въ „Сѣверномъ архивѣ" за 1827 годъ и во многомъ измѣненъ противъ оригинала. Издатели „Сѣвернаго архива" мало церемонились и съ чувашскимъ текстомъ рукописи. Тѣмъ не менѣе въ 1881 году для этого очерка нашелся новый издатель - В. К. Магницкій, придававшій вмѣстѣ съ А. Сбоевымъ серьезное значеніе рукописи, какъ описанію, единственному по обстоятельности сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣ-

[1]) Брошюра о татарахъ носитъ заголовокъ: «Бытъ и вѣрованія татаръ симбирской губерніи, въ 1783 году»; брошюра о мордвѣ: «Бытъ и вѣрованія мордвы симбирской губерніи въ 1783 году».

ній. Дѣйствительно, очеркъ Мильковича несравненно выше, чѣмъ описанія предшествующихъ этнографовъ XVIII в., какъ-то: Миллера [1]), Рычкова [2]), Георги [3]) Палласа [4]), Лепехина [5]). Авторъ постарался изложить на бумагѣ все то, что читалъ въ трудахъ предшественниковъ и пополнить недостающее собственными наблюденіями. Такъ, со словъ Татищева онъ утверждаетъ, что чуваши „суть древніе болгары", находя, очевидно, вполнѣ удовлетворительнымъ замѣчаніе Татищева „о болгарскомъ народѣ, кой назывался чолматы, и живали внизъ по Камѣ рѣкѣ, изъявляя, что они р. Каму именуютъ Чолма, а татары Чолманъ идель" [6]). Христіанство, по Мильковичу, принято чувашами въ 1723 году. Можетъ быть, здѣсь надо видѣтъ заимствованіе у того же Татищева или Страленберга.

Наблюденія Мильковича надъ чувашами въ его положеніи были вполнѣ возможны. Какъ уѣздному землемѣру, ему приходилось имѣть сношеніе съ мѣстными чувашами, но съ какими именно, трудно сказать. В. К. Магницкій, перепечатывая статью Сѣв. архива „О чувашахъ. Этнографическій очеркъ неизвѣстнаго автора конца XVIII в.", высказываетъ предположеніе, что этотъ анонимъ—не кто иной, какъ священникъ курмышскаго уѣзда, знавшій лишь верховой говоръ чувашъ. Дѣйствительно, всѣ чувашскіе тексты очерка написаны на верховомъ нарѣчіи чув. языка. Но изъ этого едва-ли слѣдуетъ то, что авторомъ текстовъ былъ житель курмышскаго уѣзда. Дѣло въ томъ, что эти тексты по частямъ мы находимъ и у предшественниковъ Мильковича по этнографіи, напр. Мил-

---

[1]) Описаніе живущихъ въ казанской губерніи языческихъ народовъ, яко-то черемисъ, чувашъ и вотяковъ по возвращеніи въ 1743 изъ камч. экспедиціи. Спб. 1791.

[2]) Топографія оренбургская. Спб. 1762 г. ч. I, стр. 187—189.

[3]) Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im den Iahren 1773 und 1774. Petersburg. B. II, s. 849—856.

[4]) Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Пер. Зуева.

[5]) Дневныя записки.

[6]) Петръ Рычковъ. Топографія оренбургская. Спб. 1762. Ч. I, стр. 187.

лера, Георги и пр.. Кажется, сначала нужно доказать, что Мильковичъ не пользовался трудами своихъ предшественниковъ, а самъ собралъ весь матеріалъ, потомъ уже можно дѣлать сужденіе относительно мѣста его наблюденій. А пока что—вопросъ остается открытымъ.

Въ какомъ отношеніи стоитъ Мильковичъ конца XVIII в. къ однофамильному автору труда подъ заглавіемъ [1]): „историографическое описаніе о казанской губерніи, что прежде было царство болгарское, потомъ казанское, о первобытномъ и нынѣшнемъ ея состояніи ..“?

Въ 90-хъ годахъ XVIII ст. Мильковичъ работалъ въ г. Казани надъ составленіемъ плановъ земельныхъ владѣній монастырей ранѣ., зилантова и др. [2]). Такимъ образомъ, землемѣръ Мильковичъ въ 1783 г. служитъ въ Симбир. намѣстничествѣ, въ 90-хъ годахъ—въ Казани и въ 1804 г—въ Уфѣ. Нѣтъ основаній видѣть здѣсь разныхъ лицъ. Думаемъ, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ имѣется въ виду Капитонъ Мильковичъ, мѣнявшій свое мѣстожительство соотвѣтственно нуждамъ землемѣрія въ томъ или иномъ районѣ.

Передвиженія помогали Мильковичу пополнять запасъ своихъ этнограф. наблюденій. Такъ, въ „Описаніи“ 1804 года онъ даетъ новыя свѣдѣнія, напр. преданіе о князѣ Пулатѣ и др.

Въ виду этого мы считаемъ не безполезнымъ издать то и другое описанія,—первое въ томъ видѣ, въ какомъ нашли его въ рукописи, принадлежащей Симбирской Ученой Архивной Коммиссіи, второе—въ извлеченіяхъ, касающихся чувашъ, изъ рукописи С.-пб. Духовной Академіи № 315 [3]). Въ примѣчаніяхъ нами дана посильная реставрація искаженнаго чувашскаго текста рукописей въ современной транскрипціи.

Н. Никольскій.

---

[1]) Подробный заголовокъ рукописи и описаніе ея см. въ Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн Т. XIV, в. V, стр. 498 и далѣе.

[2]) Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. Т. XIX, в. IV, стр. 138 примѣч.

[3]) Копія имѣется въ библіотекѣ Общ. Арх., Ист. и Этн.

Бытъ и вѣрованія чувашъ Синбирской губерніи.

(Изъ записокъ уѣзднаго землемѣра Мильковича 1783 г.)

Чуваши, какъ сами, такъ и отъ Россіянъ симъ именемъ называющіеся и прежде сего жилища свои имѣвшіе внизъ по р. Волгѣ,—суть древніе Болгары; они наполняли весь уѣздъ Казанской и Синбирской, но при воспринятіи крещенія нѣкоторые изъ нихъ, не хотя вступить въ Христіанскую вѣру. перешедъ въ луговую *сторону* рѣки Волги, въ Башкиры и въ другія мѣста, тамъ поселились, а иные переселились въ разные мѣста по нагорной сторонѣ Волги, смѣшались съ Мордвою, Татарами и Черемисами *) однакожъ и нынѣ еще оныхъ въ Синбирскомъ Намѣстничествѣ въ языческомъ суевѣріи оставшихся, живущихъ особыми деревнями и обще съ воспріявшими крещеніе дѣйствительно платящихъ подать, считается до 66157, изъ нихъ крещеныхъ 62894 души обоего пола.

Они говорятъ отъ Сарматскаго произшедшимъ и смѣшаннымъ съ татарскимъ языкомъ. Чуваши прежде, пребывая въ идолопоклонствѣ, вели жизнь кочевую, но потомъ всѣ возлюбили землепашество и уже большая изъ нихъ половина въ нынѣшнемъ столѣтіи крестилась и исповѣдуетъ Христіанскую вѣру.

Сей народъ навыкнувъ изъ давнихъ лѣтъ жительствовать не въ городахъ, но въ малыхъ деревушкахъ, весьма охотно свои жилища заводить старается въ лѣсахъ, при хорошихъ источникахъ, на ровныхъ и сухихъ мѣстахъ, а дабы въ теченіи всего лѣта не только во дворахъ, но и подлѣ самыхъ своихъ хоромінъ зеленѣющіяся деревья и траву имѣть они могли ,селятся очень рѣдко.

Окружающія ихъ житницы, источники и рощи никогда они не рубятъ, а тѣ, которые изъ нихъ остались въ идолопоклонствѣ, посвящаютъ ихъ своимъ богамъ. Соловьевъ, зяблицъ, скворцевъ и прочихъ птицъ ловить почитаютъ за грѣхъ, а тѣмъ, кои у нихъ во дворахъ жить могутъ, дѣлаютъ гнѣзда, въ разсужденіи чего весною и въ продолженіи всего лѣта бываетъ у нихъ вездѣ зелень, что самое, а особливо безпрестанное пѣніе птицъ награждаютъ прочія, въ расположеніи ихъ *жилищъ* недостатки.

Годовъ они по порядку не числятъ, а зима и лѣто составляютъ ихъ годъ, который начинается съ нашимъ Ноябремъ мѣсяцемъ и оный называютъ

---

*) Россійской господина сочинителя Татищева исторіи 22 главы, 1 части, 317 стр. въ XVIII отдѣленіи.

они *Чукъ-Уиъ* [1]), т. е. жертвенный мѣсяцъ; ибо въ началѣ своего года, или сего перваго въ году мѣсяца, для изъявленія чувствительнѣйшей за урожай хлѣба благодарности, изъ ново-созрѣвшаго первый и пиво посвящаютъ главнымъ двумъ обожаемымъ благотворнымъ своимъ существамъ,—небесному Богу и владычествующему надъ ними Государю, изъ котораго лучшее и приносятъ имъ въ жертву. Сіе отправляемое ими въ началѣ ихъ года жертвоприношеніе и празднество называется *Чуклемя* [2]) недѣля-же начинается у нихъ съ Пятницы—*Эрнеконъ* [3]), которая есть при томъ и день ихъ отдохновенія, а среду называютъ кровавымъ днемъ—*Іонкомъ* [4]).

Чуваши лицомъ по большей части блѣдны; въ дѣлахъ своихъ не расторопны и въ расположеніи жизни, противъ другихъ народовъ, низки; разумъ ихъ болѣе направленъ къ разнымъ суевѣріямъ и многобожіямъ. Они легковѣрны и предпріимчивы, но робки и смирны. Главное ихъ упражненіе въ хлѣбопашествѣ и въ другихъ земледѣльческихъ трудахъ, но ремеслъ и рукодѣлій не знаютъ.

Они лѣтомъ живутъ въ построенныхъ изъ хорошаго лѣсу шалашахъ, а зимою въ черныхъ хижинахъ и темнотѣ, у которыхъ на одной только двери для освѣщенія вырѣзаны вверху небольшіе полкруга, а хотя и сдѣланы на востокъ и на полночь еще два маленькія волоковыя окна, но отворяются весьма рѣдко. а тѣ, которые живутъ въ отдаленіи отъ *Россіянъ*, не имѣютъ и оконницъ.

Пища ихъ весьма бѣдная и состоитъ болѣе въ молокѣ и вареныхъ въ водѣ маленькихъ кусочкахъ полбеннаго хлѣба, по ихъ называемому *Яшка* [5]), также ѣдятъ они свареную въ водѣ или провѣсную бѣшеную рыбу сявуркань пола [6]); но пребывающіе изъ нихъ въ языческомъ суевѣріи, свининою гнушаются, что самое переняли они отъ татаръ; что-жъ у Чувашъ получше случится, то сберегаютъ они для пріѣзжающихъ къ нимъ людей и на продажу.

Напитки ихъ составлаютъ по большей части одно только пиво и медъ. Оное приготовляютъ они весьма часто, посвящая бочки благотворнымъ своимъ божествомъ и рѣдкій мѣсяцъ проходитъ, чтобы и самый бѣдный чувашинъ не варилъ пиво,—однако-жъ пріѣзжающихъ своихъ угощаютъ однимъ только своимъ пивомъ, а изъ пищи, развѣ для отмѣннаго гостя, жарятъ въ маслѣ двѣ или три маленькія часточки, по ихъ называемаго *Ширдана* [7]), который дѣлаютъ они лѣтомъ изъ бараньяго, или изъ оставшагося отъ жертвоприношенія разныхъ животныхъ жаренаго мяса; изрѣзавъ оныя въ мелкія кусочки, и, посоливъ, начиниваютъ ими бараньи кишки, а послѣ коптятъ. Да и тѣ три маленькія часточки хозяинъ и гости, подчуясь между собою, дѣлятъ еще частей на 20 и болѣе. Они, не зная ни грамотѣ ни буквъ, письменнаго у себя закона не имѣютъ. Но естественная любовь, владычествующая ими, обязываетъ ихъ о несчастномъ сожалѣть, просящему дѣлать помощь и не желать того ближнему, чего себѣ не желаютъ; а потому и почитаютъ они всякую обиду за грѣхъ. *Чуваши* весьма добродушны, и, ненавыкнувъ изъявлять свое усердіе на словахъ, изъявляютъ оное на самомъ

---

[1]) Примѣчанія см. въ концѣ.

дѣлѣ, ибо какой-бы то нищій, заѣхавши къ нимъ путешествующій ни былъ, когда оный представляетъ видъ постояннаго и обходительнаго человѣка, пріемлется ими простодушно и угощается всѣмъ тѣмъ, что у нихъ случится. Они всякаго странствующаго привѣтствуютъ простыми и усердными своими словами, говоря: пермбуркасъ [8]), т. е. что они на всегда жить и общество съ нимъ имѣть хотятъ.

Чуваши народъ отмѣнно благодарный и противу оказанныхъ имъ благодѣяній столько чувствительны, что не только противу благодѣтелей своихъ изъявляютъ безковарные знаки своего искренняго почитанія и любви, но если-бъ того ихъ благодѣтеля и въ живыхъ болѣе не было, а чрезъ долгое время послѣ родственника его они увидятъ, то и ему всего, что чувствительность и не лицемѣрная благодарность требуетъ, изъявляютъ.

Государя своего не иначе почитаютъ они, какъ владычествующее надъ ними и благотворящее имъ божество, въ разсужденіи чего для изъявленія къ сей обожаемой ими Высочайшей особѣ ихъ истиннаго благоговѣнія, изъ новосозрѣвшаго хлѣба первыя и лучшія по ихъ вкусу приготовленныя пищи и питіе посвящаютъ они въ жертву обще съ богомъ вышнимъ, а потомъ въ разныя времена года приносятъ жертвы и съ другими благотворными имъ божествами, Государю, ибо воображаютъ они, что сіи благотворные ихъ божества какъ-то Богъ вышній ниспосылаетъ имъ дожди и изобиліе, солнце причинствуетъ временамъ годовъ и жатвѣ, согрѣваетъ землю и раститъ плоды, *но земля*-де, производящая изобиліе и питающая ихъ поля, лѣса, луга, воды, паствы и прочія выгоды,—сіи полезнѣйшія и зрѣнію ихъ пріятнѣйшія предметы, ни отъ кого иного дарованы имъ, какъ отъ всещедрой десницы монарховъ, слѣдовательно-де все оное и представляетъ имъ живое начертаніе оказанныхъ для нихъ высоко-монаршихъ милостей и благодѣяній, да и дѣяніе народамъ благонравія и законовъ а также и судей, коихъ они на своемъ языкѣ называютъ *тюря* [9]), что значитъ справедливъ, или прямо возстановлены и даны имъ отъ Государя и поколику-де сіе превращеніе временъ и лѣтъ, дѣйствіе солнца, земли и прочихъ существъ есть превосходящее ихъ понятіе и чувствамъ не постижимое, но имъ благотворимъ; отъ теплоты солнечной созрѣваютъ плоды и жатва, земля производитъ и произрастаетъ поля, лѣса и воды, къ продолженію ихъ жизни способствуютъ, да и тамъ-де, гдѣ и когда болѣ силъ и стараній они употребляютъ, хлѣбъ родится гораздо хуже, нежели тамъ, гдѣ употреблены весьма посредственныя; слѣдовательно-де въ разсужденіи сего изъ древности обожать и эту самую Высочайшую особу и чтить съ Богомъ вышнимъ и съ каждымъ изъ нихъ жертвоприношеніями соединенно, которая потомства ихъ пользованія сими благотвореніями, есть виновница, начало и причина.

Къ звѣриной ловлѣ они имѣютъ не малую охоту и употребляютъ нынѣ болѣе винтовки, нежели лукъ и стрѣлы.

Мужчины платья носятъ зимою сверхъ шубы, простого, своей работы сукна, кафтаны, а лѣтомъ *холстинное*, вышитое крашеными, шерстяными нитками, нашивая на оное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ красные китаешные и кумачные лоскутки, прочее же ихъ одѣяніе, какъ-то: обувь, чулки, онучи, охабки, шляпы и шапки—дѣлаютъ ихъ на русскихъ мужиковъ похожими.

ПУБЛ. имени В. И. ЛЕНИН

Женщины и дѣвки разнятся между собою, въ разсужденіи одѣянія, потому только, что дѣвки носятъ платье по-хуже, какъ-то: нижнее одѣяніе и рубахи, верхняя рубаха есть ихъ обыкновенное и общее лѣтнее одѣяніе, поясъ, отъ котораго пускаютъ лопасти, *саррою* [10]) называемый, прижимая ее къ тѣлу; женщины зимою надѣваютъ на рубахи такимъ же почти образомъ сдѣланныя шубы, или суконные, разныхъ цвѣтовъ охабки, а лѣтомъ нѣкоторое вышитое и обложенное кружевымъ бѣлое холстинное одѣяніе, называемое *шабура* [11]). Женская шапка, *фушту* [12]), вся покрыта корольками, поддѣланными червонцами, бисеромъ и мелкими, на подобіе чешуи расположенными серебряными монетами, точно также украшена и нижняя половина проведеннаго подъ поясъ долгаго хвоста: подъ шапкою носятъ бѣлую, вышитую и по краямъ корольками унизанную фату, которою невѣсты, какъ бы покрываломъ, *торганшкъ* [13]), лицо свое занавѣшиваютъ, у женщинъ-же висятъ просто оба конца оной на груди и бываютъ не рѣдко прикрашены кисточками и бахромками, волосы заплетаютъ они въ двѣ косы и прячутъ подъ рубаху, перевѣшиваютъ иногда чрезъ лѣвое плечо ремень, на подобіе перевязки, который бываетъ шириною въ ладонь и весь покрытъ серебряными монетами, *корольками*, бисеромъ змѣиными головками и поддѣланными червонцами—*теветь* [14]); а дѣвки на головѣ носятъ остроконечныя къ верху шапки, вынизанныя бисеромъ и покрытыя серебряными деньгами—*тужья* [15]).

Когда обѣдаютъ, или ужинаютъ, то сидя за столомъ, прежде, нежели примутся ѣсть, говорятъ *исмилля бертерли* [16]) благослови единочный Боже; а наѣвшись: *тавдя пось торра падша пюлые* [17]) благодаримъ васъ вышній Боже, Царю; и гостей своихъ, если которые сидятъ отъ стола далеко, то подчуютъ они ложками. Вмѣсто кроватей служатъ имъ такъ, какъ и татарамъ, широкія палаты, на которыхъ не очень скудные спятъ на перинахъ.

Когда родитъ чья нибудь жена, тогда бабка, взявъ два сырыя яйца, разбиваетъ лутошкою (сырая липовая палочка) надъ головою рожденнаго, говоря: *сирлахъ* [18]), что значитъ помилуй,—отрываетъ куриць голову, и, оную такъ и разбитыя яйца, бросаютъ за ворота. Чуваши вѣруютъ, что разбитіемъ яицъ и отрываніемъ куриць головы, удовлетворяютъ они нечистому духу и онъ, принявъ отъ нихъ сію жертву, оставляетъ человѣка безъ вреда; въ разсужденіи чего, какъ при рожденіи надъ младенцемъ, такъ и во время бракосочетанія надъ невѣстою и по кончинѣ надъ умершимъ, лутошкой разбиваютъ сырыя яйца, причемъ относятъ въ *Ирзаму* [19]) Кереметь *), называемому Момоля и деньги, потомъ собираются къ родильницѣ на посѣщеніе. Пріятели и подруги пьютъ пиво и дарятъ новорожденнаго каждая въ стаканѣ по нѣсколько копѣекъ, на послѣдокъ приходитъ *Юмся* [20]), который съ великимъ почтеніемъ родительницей, домашними и гостями принимается и всѣ единогласно просятъ о нарѣченіи новорожденному младенцу счастливаго имени; она по просьбѣ ихъ взявъ въ руку ковшъ съ водою, и, выговоривъ надъ нимъ тихонько нѣсколько словъ, даетъ пить родительницѣ и младенцу, представляя притворный видъ, будто она въ

*) Мольбище.

восторгѣ, между тѣмъ выдумываетъ и дастъ имя, говоря, что вдохновленіемъ боговъ, получа счасливое имя, дарствуетъ оное рожденному.

Ежели кто вздумаетъ жениться, то сватъ, которымъ обыкновенно бываетъ жениховъ отецъ, дядя или большой братъ, торгуютъ дѣвку очень пріятно; обыкновенная невѣстамъ цѣна простирается отъ 20 до 60 руб., но иные за 5 или 10 рублей женъ получаютъ, даваемые за невѣсту деньги называются *калымъ* [21]). Невѣсты приданое, состоящее въ дворовомъ скотѣ, домашней утвари и одѣніи, бываетъ равное, а иногда превосходитъ калымъ, платимый за нее; торгъ о невѣстѣ называется у нихъ сватовствомъ—*сода* [22]).

По заключеніи ходы бываетъ особый съ дарами поѣздъ, *сабарду-чуклесъ* [23]); предъ наступленіемъ того дня къ вечеру, въ который должно женихову отцу отправить къ невѣстину *свой поѣздъ*, отецъ жениховъ собираетъ своихъ родственниковъ или знакомыхъ для выбора къ поѣзду, по собраніи ихъ, женихъ, вышедъ изъ бани, приноситъ пиво, котораго два стакана, какъ ему, такъ и его отцу наливаетъ нарочито для того посаженный *Крюгаси* [24]), по приказанію котораго другіе гостямъ подносятъ, при питьѣ ими пива, встаютъ всѣ и самъ *Крюгаси*, потомъ крюгаси наливаетъ уже сидя, а отецъ жениховъ подноситъ тому, кого избираетъ онъ къ жениху въ дружки, при чемъ, выключая одного *крюгаси*, встаютъ всѣ и кланяются, прося, дабы онъ принялъ возлагаемую на него должность; вступая въ оную, дружка выбираетъ себѣ поддружье, котораго должность есть быть при дружкѣ и женихѣ безотлучно и носить сшитыя изъ невыдѣланной лошадиной кожи большія и до полу висящія сумы, наполненыя разною провизіею; потомъ выбираютъ такимъ-же образомъ въ разныя должности мужчинъ и женщинъ въ поѣздъ и всѣмъ тѣмъ выбраннымъ даютъ первыя мѣста; по окончаніи выбора, начиная отъ дверей, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, дружка подноситъ, говоря, чтобы дополнили они жениховъ калымъ; поддружье, имѣя на плечахъ своихъ длинныя сумы, кланяется, а женихъ, нагнувшись носитъ чирясъ *), коему въ оный гости по возможности своей кладутъ мѣдныя деньги; поднося всѣмъ, начинаютъ ужинать, а по окончаніи ужина расходятся. Въ наступившій-же день, сказанный съ дарами поѣздъ отправляется.

Сватъ, сосватавшій невѣсту, пріѣхавъ съ женихомъ, *со свахою* и со всѣмъ своимъ поѣздомъ въ домъ къ невѣстину отцу, приноситъ множество безъ соли печеныхъ малыхъ хлѣбовъ, называемыхъ *хубарду*, бочку пива, медъ, сырецъ и въ задатокъ калыма деньги, вноситъ все оное въ хоромину и для сугубаго въ женитьбѣ счастья, выходя до трехъ разъ и оборачиваясь на востокъ, приноситъ жертву сначала хлѣбомъ высшему Богу, во вторыхъ *Пилюксѣ* [25]) и въ третьихъ главному, среднему и малому кереметямъ, потомъ имъ-же медомъ, сырцемъ и напослѣдокъ пивомъ.

Зять, по входѣ въ гостепріимную избу съ дружкою и поддружьемъ, обходитъ оную по солнцу до трехъ разъ, и, обойдя кланяются невѣстиному

---

*) Чирясъ, особаго сорта липовая, сдѣланная изъ дупла кадочка, которая употребляется для ношенія пива.

отцу, сродникамъ и гостямъ. Послѣ чего дружка подноситъ, а сватъ невѣстиному отцу платитъ часть договоренныхъ денегъ; при чемъ ѣдятъ, пьютъ, веселятся и напослѣдокъ опредѣляютъ день свадьбы.

Если же въ деревнѣ невѣстина отца жительство имѣетъ и жениховъ родственникъ, то и ему таковые-же хлѣбы въ подарокъ онъ привозитъ, дабы для угощенія поѣзда жениха и невѣсты сдѣлалъ свадьбѣ пріуготовленіе, обѣщая со стороны невѣсты ему въ подарокъ рубашку, а женѣ его шитое на оную-же оплечье, называемое *сыбакъ лакыбя* [26]) и нѣкоторое, къ убору на голову принадлежащее вынизанное бисеромъ, *или вышитое шелкомъ масмакъ*, отъ котораго и увѣдомляется онъ, кто принялъ на себя доджность быть со стороны невѣсты, сверхъ ея родного отца посаженнымъ *жилъ атлыхъ* [27]), желаетъ сей-же сватъ дарить хлѣбомъ и тѣхъ деревень жителей, чрезъ которые жениху съ поѣздомъ къ невѣстѣ и на возвратномъ *съ нею пути* домой проѣзжать надобно; въ разсужденіи чего и они также варятъ и приготовляютъ обѣды.

Въ назначенный день свадьбы, если въ ближнемъ разстояніи деревня, въ которой жительствуетъ невѣста, то около вечера, а когда въ дальномъ, то послѣ полудня, поѣзжане, для отличенія себя отъ другихъ, при свадьбѣ случающихся гостей, одѣвшись въ лучшее платье, вѣшаютъ себѣ на шею бѣлые, вышитые по краямъ и съ бахромою платки, завязавъ ихъ при самыхъ концахъ, а на кушаки одни только бѣлые, распустивъ оные по обѣ стороны въ шапкахъ, имѣя всегда въ рукахъ своихъ плети, а тѣ, у которыхъ есть верховыя лошади, надѣваютъ сабли, берутъ ружья и колчаны съ лукомъ и со стрѣлами; пріуготовя себя такимъ образомъ, пріѣзжаютъ къ женихову дому и три раза по солнцу противу дверей онаго вокругъ объѣхавъ, кричатъ и такъ какъ-бы у незнакомыхъ, спрашиваютъ, въ чемъ они упражняются: ѣдятъ-ли, пьютъ-ли и знаютъ ли, что у такового то чувашинина, называя именемъ женихова отца, есть свадьба и ихъ въ гости онъ зоветъ-ли по окончаніи чего выходитъ женихъ съ отцомъ, имѣя въ рукахъ ковшъ пива, встрѣчаетъ ихъ, привѣтствуя, что у нихъ есть свадьба и ихъ они къ себѣ просятъ; введя въ домъ, жениховъ отецъ поѣзжанъ сажаетъ за столъ, а дружку и поддружье съ женихомъ—за приготовленную у дверей занавѣсь.

Тогда уже и жениха одѣваютъ они въ лучшее платье и прикрѣпляютъ ему у правой руки къ мизинцу шитый шелкомъ и съ бахромою бѣлый платокъ; *потомъ* отецъ съ матерью садятся за столъ, крюгаси наливаетъ два стакана пива и предъ нихъ ставятъ; въ то время начинаетъ играть музыка *). Дружка съ поддружьемъ, женихъ и поѣзжане, ухватясь лѣвыми руками другъ другу за кушаки, правыми-же показывая плети, а поддружье свои большія съ провизіею сумы, подъ тактъ музыки, выключая жениха, пляшутъ, и, сдѣлавъ своею пляскою кругъ противу солнца, подходятъ поѣзжане къ жени-

*) Музыку у чувашъ составляютъ деревянные съ бараньими струнами бужи, волынки, пузыри, губной органъ, скрипки и гудки и во время игранія нѣкоторые изъ нихъ бываютъ и такія, кои смыслятъ нѣсколько наблюдать и согласіе.

хову отцу и матери поклонясь, наклоняютъ передъ ними свои головы, а дружка громко ихъ спрашиваетъ, въ чемъ они упражняются: ѣдятъ-ли или пьютъ; потомъ сказываетъ имъ о себѣ, что они намѣрены ѣхать въ такую-то деревню, къ такому-то чувашинину, взять у него дочь, называя невѣстину деревню и ея отца именами, то даютъ-ли они имъ на то позволеніе, что самое при играніи музыки повторяютъ они троекратно; послѣ чего отецъ и мать жениховы, давъ имъ позволеніе, поставленные передъ ними стаканы выпиваютъ, а потомъ, поднеся пива дружкѣ и поддружью, препоруча имъ остальные деньги калыма, жениха и съ поѣздомъ отпускаютъ, которые, объѣхавъ троекратно вокругъ дома, и, выпаливъ три раза изъ ружей, при играніи музыки отъѣзжаютъ.

По пріѣздѣ къ невѣстѣ въ деревню, становятся они въ домѣ посаженнаго невѣстина отца, женихъ посылаетъ съ дружкою къ невѣстѣ *чарку* своего пива, тамъ *принявъ оный*, дарятъ его отъ невѣсты рубашкою, которую женщины, при собраніи гостей, скинувъ съ него платье, на верхъ его рубашки надѣваютъ; причемъ дружка невѣстина отца спрашиваетъ, угодно-ли ему, дабы женихъ съ поѣздомъ къ нему пріѣхалъ. Получивъ на оное позволеніе, дружка съ извѣстіемъ возвращается къ жениху, показывая ему и всѣмъ поѣзжанамъ невѣстинъ подарокъ, и при играніи музыки пляшутъ; а между тѣмъ вводятъ невѣсту въ хоромину, въ которой жениха съ поѣздомъ принять должно, занавѣся ей лицо фатою, унизанною корольками, сажаютъ за занавѣсь противъ печи *), а отецъ съ матерью садятся за столъ и тогда за занавѣсью у невѣсты играетъ музыка, а дѣвки поютъ передъ нею пѣсни и пляшутъ

Женихъ и поѣздъ въѣзжаютъ къ невѣстѣ во дворъ прежде входитъ въ домъ дружка и коснувшись пальцемъ грязнаго пола, касается онымъ-же своего лба, въ знакъ отмѣннаго почтенія къ невѣстиному отцу и всему его дому, отдаетъ ему послѣдніе калыма деньги, а завязанныя въ платкѣ, посвященныя большому керемети, 15 коп. денегъ, кладетъ на брусъ, гдѣ сидитъ невѣста. Послѣ чего невѣстины сродники встрѣчаютъ жениха, поѣздъ и находящуюся при нихъ музыку, съ ковшами пива, женихъ съ поѣздомъ, при играніи музыки входитъ и переступя черезъ порогъ, такое-же почтеніе дѣлаетъ своему тестю, какъ и дружка; тогда отецъ невѣсты, сидя за столомъ въ *передпемъ* углу, считаетъ деньги калыма, а по сочтеніи встаетъ съ своего мѣста, привѣтствуетъ жениха и поѣзжанъ, подноситъ имъ самъ, сажаетъ поѣзжанъ и дружку, имѣющихъ на рукахъ своихъ плети, а на головахъ шапки, въ передній уголъ, жениха-же и поддружья, съ его длинными сумами,—за занавѣсь; къ дверямъ ставятъ три стола поѣзду, жениху и невѣстѣ особыя и по постановленіи столовъ обѣдаютъ, при чемъ обѣ музыки играютъ; спустя нѣсколько времени, дружка со вложенными отъ жениха мѣдными деньгами, подноситъ невѣстѣ ковшъ пива, который она съ дѣвками выпивъ, беретъ деньги, а на противъ того высылаетъ въ подарокъ же-

*) У чувашъ противъ печи мѣсто другихъ считается почетнѣе, на которое обыкновенно сажаютъ они отмѣннаго и именитаго своего гостя.

ниху рубашку, которую надѣваютъ на него при всѣхъ, такъ, какъ и на дружку и мѣняютъ жениховъ и невѣстинъ къ рукамъ ихъ прикрѣпленныя платки до трехъ разъ; потомъ выносятъ на блюдахъ рубашки и платки и подаривъ рубашкой каждаго изъ поѣзжанъ, надѣваютъ ихъ тутъ-же, какъ на мужчинъ, такъ и на женщинъ.

По окончаніи стола пьютъ и пляшутъ какъ поѣзжане, имѣя на рукахъ своихъ плети, такъ и подружка съ своими долгими сумами и женихъ, не видавъ своей невѣсты ни прежде ни въ то время. Гости у нея съ поѣздомъ сутки двое и болѣе безотлучно, въ теченіи онаго времени, обѣ музыки денно и ночно по перемѣнно играютъ, а молодые мужчины съ женщинами и дѣвки по парно пляшутъ.

На послѣдокъ невѣста въ препровожденіи свахи и сродницъ, вышедъ изъ за занавѣси, падая къ ногамъ своего отца и матери, съ изъясненіемъ по ихъ обычаю нѣкоторыхъ въ жалость приводящихъ словъ, плачетъ *и съ ними* прощается, причемъ отецъ даритъ её деньгами и пожелавъ счастливой жизни, со свахою и сродниками своими, отпускаетъ невѣсту, имѣющую на головѣ сверхъ фаты большое еще покрывало, да приготовленныя, холстомъ покрытыя и запряженныя парою лошадей, кибитки; при играніи музыки родственники несутъ на рукахъ невѣсту и сажаютъ со свахою вмѣстѣ, поѣзжане, сѣвши на лошади, сдѣлавъ трекратно противъ дверей дома кругъ и выпаливъ изъ ружей, отъѣзжаютъ къ невѣстиному посаженному отцу и какъ у него, такъ и у всѣхъ деревенскихъ жителей и на перепутьѣ въ деревняхъ столь усердно пьютъ, что не только ихъ платье, но и въ домахъ всѣ полы налиты бываютъ пивомъ. Отецъ невѣстинъ, спустя со двора свадьбу, развязываетъ принесенный дружкою платокъ съ деньгами и взявъ изъ нихъ себѣ одну копѣйку, послѣднія относитъ въ большой кереметь въ жертву *мамалъ*, гдѣ оные хранятся до того времени, покуда наполнится сумма на покупку пуда меда и овцы, что искупивъ отдаютъ жрецу, который приноситъ все оное въ жертву.

По прибытіи съ невѣстою, свахою и родственниками, къ женихову отцу, поѣздъ останавливается у воротъ и музыка играетъ, дружка надъ головою невѣсты разбиваетъ лутошкою сырыя яйца и съ жениховой стороны сваха, оторвавъ курицѣ голову мечетъ за ворота и поѣздъ до того времени стоитъ за воротами, покуда отецъ и мать жениховы не подарятъ невѣстѣ корову, оную привязавъ на веревку, отдаютъ самой невѣстѣ въ руки. По въѣздѣ во дворъ, въ препровожденіи свахи и поѣзжанъ, невѣсту вносятъ въ домъ на рукахъ и сажаютъ противъ печи, а жениха отводятъ въ клѣть, потомъ обѣдаютъ; по окончаніи стола, при играніи музыки сродники вводятъ невѣсту къ жениху, сажаютъ ихъ рядомъ на постелю и тогда начинаютъ уже играть обѣ музыки, снимаютъ съ жениха и невѣсты перстни, завѣщевая имъ до скончанія жизни, сохраня другъ къ другу вѣрность и не называть жениху невѣстина отца и мать а невѣстѣ жениховыхъ именами, а звать тестемъ-тещей, свекромъ-свекровью.

Тутъ въ первый разъ женихъ увидитъ невѣсту и узнаетъ съ кѣмъ жизнь ему препровождать судьба опредѣлила. Когда станутъ молодыхъ раз-

дѣвать, то невѣста должна скинуть съ жениха сапоги, въ которые тогда кладетъ онъ деньги, невѣста, скинувъ берегъ деньги, послѣ чего всѣ выходятъ вонъ и даютъ молодымъ покой.

На другой день веселье бываетъ больше, нежели въ первый. Крещеные вѣнчаются въ церкви спустя иногда и долгое время, случается также, что ставятъ еще тогда на столъ блюдо съ хлѣбомъ, въ который воткнута стрѣла, тутъ кто хочетъ изъ гостей кладетъ молодымъ на раззаводъ нѣсколько копѣекъ. Послѣ сего родные отецъ и мать пріѣзжаютъ къ нимъ въ гости и сіе свадебное пиршество продолжается до того времени, пока хозяйка дома, вынеся на блюдѣ вынутый изъ бочки гвоздь и поставя на столъ скажетъ гостямъ, что уже выпили все пиво и подчивать ихъ болѣе не чѣмъ, тогда уже гости возвращаются во свои домы.

Мужъ имѣетъ во всемъ полную власть, а жена должна повиноваться ему безъ всякаго прекословія, въ разсужденіи чего и не бываетъ почти никакихъ въ семействѣ сваръ; но ежели мужъ чрезвычайно женой своей недоволенъ, то разрываетъ ея покрывало, сарбанъ, тѣмъ уничтожается навѣкъ супружескій между ними союзъ. Такимъ-же образомъ разводятся съ женами своими и другіе, языческаго суевѣрія держащіеся, мордва и прочіе народы; однако самые случаи бываютъ рѣдко.

Когда же у нихъ кто жестоко занеможетъ и отъ усиливающейся болѣзни приближается къ концу, тогда всѣ Юмси къ нему бываютъ призываемы, коимъ онъ всенародно во грѣхахъ своихъ кается. При этомъ завѣщеваетъ своей семьѣ и родственникамъ, какою именно скотиною по смерти и въ какія точно времена ею поминать. Когда-же умретъ, тогда одна изъ домашнихъ женщинъ разбиваетъ надъ нимъ лутошкою яица и выкидываетъ ихъ за ворота. Потомъ у правой руки перевиваютъ пальцы, застилаютъ ноздри, ротъ, глаза и уши разными шелками въ знакъ того, что онъ, не будучи просвѣщенъ познаніемъ о божествѣ, законѣ и натурѣ, былъ низкаго понятія и темный человѣкъ; руки его не осязали, ноздри не обоняли, устами своими не говорилъ онъ, глаза его не видали и уши его не слыхали—всего того, что видѣть и слышать совершеннаго обо всемъ понятія человѣкъ можетъ; почему онъ и тамъ будетъ тѣмъ-же довольствоваться, чѣмъ довольствововался въ жизни. Напослѣдокъ одѣвъ тѣло въ лучшее платье и перевязавъ поперекъ кушакомъ руки, надѣваютъ *на нихъ* рукавицы, а на голову шапку и выносятъ изъ дому. Тогда домашніе, бросая за тѣломъ возженныя тряпочки, говорятъ, что бы душа его съ дымомъ отъ оныхъ взошла къ небесамъ.

Принеся къ могилѣ и составя опущенныя четыре доски, опущаютъ потомъ въ нихъ умершаго; прощаясь же приказываютъ съ нимъ къ прежде умершимъ своимъ родственникамъ поклоны, кладутъ его въ могилу, какъ для того, такъ и въ гостинцы тѣмъ прежде умершимъ сыръ, деньги и пѣсное хлѣбное. А дабы онъ и въ царствѣ мертвыхъ работѣ упражнялся, опускаютъ въ оную на ножикъ, для плетенія лаптей инструментъ, на торговлю деньги, а для пропитанія хлѣба такъ-же кладутъ на могилу блинъ и кусокъ вареной курицы, при чемъ говорятъ, что тебѣ пріѣдится (?): *ти бя батыръ*

умунче болдырь[28]). Остатки же пребираютъ провожатые и думаютъ, что съ мертвецемъ ѣли. Въ которой одеждѣ онъ умеръ, на чемъ лежалъ, изъ чего обмывали его тѣло,—бросаютъ на дорогѣ и на могилѣ умершаго ставятъ телѣгу, сани, хомутъ съ прочею упряжью и топоръ; если же онъ былъ плотникъ, то и весь его инструментъ, вывезя оставляютъ. А по завѣщанію его ставятъ на могилу и лачугу, къ которой привязавъ лошадь, оставляютъ покуда она умретъ съ голоду, воображая, будто умершій на ней ѣздитъ. На сей же могилѣ ставятъ столпъ вышиною въ ростъ умершаго, дѣлая на немъ, отступя на четверть отъ верху, до самой могилы впадину, на подобіе продолговатой лунки; а иные на могилахъ ставятъ камни, на коихъ во время поминовенія зажигаютъ свѣчки и на нихъ-же, какъ умершаго, такъ и ихъ родственниковъ вырѣзываютъ знаки, по ихъ называемые *тура*, дабы по онымъ въ послѣдующія времена потомки знать могли, кто такой и чей родственникъ схороненъ. Чуваши умершихъ своихъ хоронятъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревень при рощахъ, ставятъ на могилы ихъ небольшія кадочки, вѣшаютъ на сошкахъ полотенцы и кладутъ другія разныя мелочи, оставляютъ также умершему въ полѣ часть не сжатаго всякаго рода хлѣба и серпъ, дабы онъ то на свою долю сжалъ и отъ нихъ не требовалъ.

Поминки у чувашъ бываютъ двоякіе: 1-е, дома одного семьею умершаго, а другіе собраніемъ народа; а также вновь умершаго и давно умершихъ своихъ родственниковъ поминаютъ они особо; по новоумершимъ первые поминки бываютъ у нихъ на погребеніи въ тотъ-же день. 2-е, въ третій день одними только домашними. 3-е, въ седьмой день; 4-е, ноября въ послѣднихъ числахъ и 5-е, въ семикъ собраніемъ народа, по давно умершихъ-же родственникахъ. Малые поминки отправляются въ Четвергъ на страшной недѣлѣ и въ недѣлю Св. Пасхи, одними домашними и сродниками. Средніе—о семикѣ, гдѣ собраніемъ народа прежде умершихъ родственниковъ на могилахъ поминаютъ обще съ новоумершими; а въ исходѣ Ноября также дома и одними только домашними, съ нижеслѣдующими обрядами. По погребеніи умершаго, оставшіеся его домашніе и родственники, возвратясь съ могилы, моются и потомъ подвеселяютъ себя пивомъ; въ третій-же день и четвертый, каждыя недѣли къ вечеру, сваривъ курицу и отщипнувъ отъ нее каждый изъ семьи по части, кладутъ въ чашку и наливаютъ по ложкѣ яшки въ ведро воды и вынеся на дворъ, выливаютъ собакамъ. Въ то время, какъ собаки ѣдятъ и дерутся, они кланяясь на полночь, съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ воютъ и возвратясь оставшее ѣдятъ. Оное дѣлаютъ они для того, дабы ихъ плачь, смѣшавшись съ собачьимъ визгомъ, произвелъ великое громогласіе и ихъ плачевые голоса, проникнувъ небо, доходили до ушей умершаго и онъ бы съ высоты ихъ усердіе, съ какимъ великимъ сожалѣніемъ они его поминаютъ, могъ видѣть. Въ седьмой день по кончинѣ умершаго, колятъ овцу и приготовя пива, сзываютъ родственниковъ, которые, поминая умершаго, ѣдятъ и пьютъ, оные называются семины *сить-шны иртересъ*[29]), что-же принадлежитъ до семьи умершаго, то они его поминаютъ въ Четвергъ каждыя недѣли, до большихъ поминокъ; сіи поминки называютъ они *сылахъ иртересъ*[30]). Въ теченіи всего онаго вре-

мени не должны они свистать, пѣть, плясать и бить въ ладоши. Если случится чувашенину увидѣть во снѣ, что умершій проситъ себѣ отъ него въ царство мертвыхъ на племя разнаго скота и птицъ, а особенно, когда онъ пригрезится въ другой разъ въ грозномъ и претящемъ видѣ, упрекая его, что изъ данной ему скотины черезъ пять или девять лѣтъ расплодилось у него множество, а такой-то скотины дать онъ ему жалѣетъ и для того за неисправленіе повелѣннаго возьметъ онъ его къ себѣ или напуститъ змѣя и каменья, тогда, скочивъ съ постели и нимало не медля, колетъ просимую умершимъ скотину, сваривъ пива, приготовивъ хлѣбнаго и нанявъ музыкантовъ, вывозитъ ставитъ на могилу, хозяинъ и семья его окруживъ оную и упавъ на землю, воютъ, называя же умершаго по имени просятъ, дабы принявъ онъ представленную отъ нихъ ему жертву, въ могилѣ лежалъ смирно, къ нимъ не ходилъ, ихъ не стращалъ и не мучилъ; напослѣдокъ вдругъ заиграетъ музыка, они всѣ вскочатъ, ударятъ въ ладоши, начнутъ плясать, свистать и пѣть пѣсни, причемъ бросаютъ собакамъ пирожное мясо, кои дерутся и всѣ за ними въ голоса визжатъ; наѣвшись приготовленной пищи и наѣвшись до пьяна, оставшее, взрывъ на могилѣ не большую яму, въ нее кладутъ и пиво туда-же выливаютъ.

По наступленіи дня большихъ поминокъ, т. е. ноября въ послѣднихъ числахъ, пиво и заколотую по завѣщанію умершаго предъ его кончиною скотину изготовя и оставя на поминовеніе половинное число дома, старшая изъ семьи складываетъ въ кадку и взявъ съ собою изъ домашнихъ и родственниковъ и нанявъ музыкантовъ, отвозитъ все оное къ рѣчкѣ, дѣлаютъ тамъ умершему на одной ножкѣ скамейку, раскладываютъ огонь и потомъ ѣдятъ, при чемъ старшая *) изъ семьи бросаетъ куски собакамъ и со слезами говорятъ, что оными подчуютъ самого умершаго; чуваши воображаютъ, что во время ихъ при рѣчкѣ бытія, умершій сидя на скамейкѣ, съ ними бесѣдуетъ; по окончаніи старуха сверхъ условленной платы, даритъ своихъ музыкантовъ и изъ нихъ игроку на волынкѣ и гуслисту деньги кладетъ въ зубы, а игроку на скрипкѣ или на гудкѣ—въ гудокъ,—и если-же дастъ на скрипку шелку, послѣ чего заиграетъ музыка и старуха, оборотясь на полночь, подходитъ къ огню и поклонясь оному, смотря на полуночную сторону, бьетъ въ ладони и пляшетъ, а потомъ и всѣ тамъ случившіеся, такъ, что если кто за старостію или дряхлостію на ногахъ стоять не можетъ будучи поддерживаемъ другими, пляшетъ и каждый изъ нихъ музыкантовъ по возможности даритъ, употребя всю привезенную пищу и пиво; а если уже они не въ состояніи, то остальное отдавъ собакамъ и выливъ на землю, возвращается въ домъ.

По пріѣздѣ вошедшимъ родственникамъ старуха сказываетъ, что имъ умершій приказалъ жить, за что ей подносятъ ковшъ пива, благодаря за добрую вѣсть и тогда начинаетъ играть музыка, а старуха, выпивъ пиво и поклонясь лежащему, на столѣ оставленному со свѣчками пирогу, первая

*) Старшій или старшая изъ семьи разумѣется оставшіеся послѣ умершей—мужъ, или мужа—жена, а послѣ отца или матери—большой сынъ.

бьетъ въ ладоши и пляшетъ, а по окончаніи кланяется пирогу, вторично, потомъ съ такимъ-же обрядомъ пляшутъ всѣ домашніе и гости; спустя нѣсколько времени, женщины выносятъ двѣ кадки блиновъ, ставятъ оныя среди двора и обратясь на полночь, кланяются и воютъ, а послѣ они и собаки съ жадностью хватаютъ изъ кадокъ блины и ѣдятъ; по возвращеніи со двора, садятся всѣ за столъ и ѣдятъ, откладывая куски въ особливую чашку и пиво отливая въ ведро; по окончаніи ужина куски-пиво выносятъ вонъ, отдаютъ собакамъ и воютъ, какъ выше сказано; возвратясь со двора ставятъ восковыя свѣчи на верхнее окно и на печной брусъ, во всю-же ночь, какъ домашніе, такъ и гости, пьютъ и пляшутъ, ибо они въ ту ночь спать почитаютъ за грѣхъ, а если всего приготовленнаго съѣсть пива выпить на послѣдокъ будутъ не въ силахъ, то до восхожденія солнца все оное отдаютъ собакамъ. Которые изъ чувашъ побогаче, тѣ пьютъ и по цѣлой недѣлѣ, говоря, что умершіе въ сіи дни къ нимъ приходятъ и съ ними невидимо веселятся; по прошествіи недѣли, вынеся изъ домовъ своихъ на околицу *) къ воротамъ деревни пива въ такомъ видѣ, какъ будто-бы они ихъ обратно въ могилы провожаютъ, тамъ при играніи музыки пьютъ, пляшутъ, свистятъ и бьютъ въ ладоши, поминаютъ въ сіе время и давно умершихъ, какъ на могилахъ, такъ и въ домахъ.

По наступленіи-же Семика, собравшись ближніе родственники въ домъ новоумершей повелѣнную ею заколоть на поминовеніе лошадь запрягаютъ въ телѣгу, обнявъ ее за шею, надъ нею плачутъ, надѣваютъ на нее сдѣланную изъ узкаго холста съ длиннымъ поводомъ узду и изъ онаго-же шлею, подпруги, чрезсѣдѣльникъ и возжи, оное употребляется при поминовеніи женщины, въ знакъ тотъ, что она была хорошая пряха; но при поминовеніи мужчины одинъ только простой хомутъ; на лошади семейные и родственники ѣдутъ на могилу и тамъ надъ умершимъ плачутъ, утираясь тѣми сдѣланными изъ холста поводомъ и возжами, возвращаясь-же въ домъ умершихъ, рѣжутъ лошадь, но безъ всякой церемоніи, кромѣ того, что Чуваши какъ для поминокъ, такъ и приносимыхъ въ жертву скотовъ сами не колятъ, а отдаютъ колоть постороннему, который за свою работу, имѣетъ право получить кожу; напослѣдокъ сваривъ заколотую лошадь ѣдятъ и пьютъ, поминая вышеозначеннымъ образомъ, но безъ музыки, въ домъ умершаго съѣзжаются родственники и знакомцы, привозятъ съ собою своего пива, но прежде пьютъ хозяйское, а потомъ свое; послѣ-же полудня выходятъ обоего пола какъ старухи, такъ и молодые люди на могилу новоумершихъ, плачутъ, а прежде умершихъ своихъ родственниковъ, поминая при играніи музыки, бьютъ въ ладоши и пляшутъ, изъ приготовленныхъ для поминовенія пиво и прежде умершихъ, особо выпивъ, каждому своему выливаютъ ковшъ на могилу, говоря: *ись*[31]), что значитъ—выпей, а потомъ пьютъ и принесенныя съ собою разныя изъ говядины и хлѣбнаго приготов-

*) Околица есть загороженное на нѣкоторое разстояніе около деревни мѣсто для удовольствія кормомъ въ продолженіи лѣта мелкаго скота и птицъ.

ленія ѣдятъ, пивши своему повторяютъ напитокъ лить и на могилы до того времени, пока при наступленіи вечера разойдутся по своимъ домамъ.

По наступленіи дня малыхъ поминокъ, т. е. въ Четвергъ страстныя недѣли и въ недѣли св. Пасхи, хозяинъ дома въ избѣ своей, начиная отъ дверей, по всей стѣнѣ на востокъ сдѣланной, за каждаго изъ умершихъ родственниковъ прилѣпляетъ по восковой свѣчѣ, противъ окна ставитъ онъ на лавку большую чашку и ведро, а передъ онымъ столъ, садится за него на приготовленную для того нарочито постелю, старикъ ставитъ передъ нею блюды съ хлѣбнымъ съ крашенными яйцами и съ разными *изъ* говядины приготовленіями. Онъ отщипывая по малой часточкѣ за каждаго изъ своихъ умершихъ родственниковъ, бросаетъ въ чашку и при каждомъ бросаніи куска, поминая ихъ, говоритъ: *аттяня тибя батыръ аняня тибя батыръ*[32], т. е. что онъ ихъ дастъ отцу и матери; равнымъ образомъ поминая и прочихъ тоже и къ каждому умершему повторяетъ и пьетъ пиво, отливая за каждаго по нѣсколько въ ведро; въ то время приходятъ къ нему родственники и принеся съ собою свои хлѣбныя и прочія приготовленія, также и пиво, ставятъ прежде на передній столъ, а потомъ каждый изъ нихъ при своей очереди садясь за оный, такъ, какъ выше сказано, поминовенія обрядъ совершаютъ. Если же кто изъ нихъ съ своего мѣста встать и идти за столъ постѣстится, тотъ свое принесенное хлѣбное и пиво, дабы его родственниковъ помянули, отдаетъ другимъ. По совершеніи всего обряда поминокъ, одна изъ домашнихъ женщина, снявъ блиномъ со стѣны огарки свѣчь, кладетъ въ ту-же чашу и потомъ какъ тѣ куски, такъ и отливное пиво женщины и дѣвки выносятъ вонъ и за заднею стѣною хоромина отдаютъ собакамъ, причемъ кланяясь на полночь, воютъ. Такимъже образомъ чуваши, какъ о семикѣ, такъ и ноября въ послѣднихъ числахъ, обрядъ поминовенія по своихъ родственникахъ въ домахъ совершаютъ.

Чуваши вѣру имѣютъ идолопоклонническую и почитаютъ разныя божества, коихъ раздѣляютъ на благія и злыя; подъ именемъ благихъ разумѣютъ они[33] 1. Сюльде Торъ, творца или небеснаго Бога. 2. Торраше, богова отца; 3. Торрамыше, богову мать; 4. Серде падша, земного царя; 5. Сютъ тюня, бога *свѣта*; 6. Сюльде Кебе, судьбу или власть имѣющаго внутри земли или подъ землею; 7. Іокъ-аораданъ-Тора, бога дателя душъ; 8. Хвель, солнце; 9. Хвель-алмыже, солнышкову мать; 10. Эдемъ Торъ, (?) бога грома и молніи; 11. Ири Тора, бога благодѣянія; 12. Перегеть-Тора, бога изобилія; 13. Перегеть-амыже, мать его; 14. Сюрень Иръ, странствующаго по воздуху, который избавляетъ и въ водахъ утопаемыхъ, 15. Серрате, отца земли; 16. Серрамыже, мать земли; 17, Сюреданъ Торъ, сѣверное сіяніе, кое называютъ они рождающимся сыномъ божіимъ; 18. Пилюгсе, предписателя земнородныхъ участей 19. Пилюхся-мыже, его мать; 20. Пигамбаръ, вѣстника судьбы; 21. Сергаже, оберегателя стадъ и паствы; 22. Бертерли, однороднаго; 23. Сюлрань, воздушное явленіе, имѣющее нѣкое подобіе змѣя, коего называютъ они летучимъ змѣемъ: 24. Истора, спутнаго бога, 25. Киргань-Тора, домового; 26. Кардранъ-Тора, бога дворовому скоту; 27. Шивень-Тора, называемаго водышъ; 28. Бурманъ-Тора, лѣсоваго; 29. Хиррань-Тора, полевого; 30. Силь-вѣтеръ; 31. Силамыже, его мать, 32. Вотъ-дюнь и 33. Сись-

Синасе, вѣтровы крылья. Подъ именемъ-же злыхъ разумѣютъ они духовъ, живущихъ близь ихъ деревень, въ лѣсахъ, наносящихъ имъ разныя болѣзни и несчастья, коихъ они на своемъ языкѣ называютъ Кереметь *) или Ирзамъ, *оныя* раздѣляются на главныя *Аслы* [34]), среднія *Водасерде* [35]) и малыя *Ксинъ* [36]), и изъ нихъ главными разумѣютъ они [37]): 1. Выляры Ирзамъ, коего почитаютъ отцомъ всѣхъ кереметей и сказываютъ объ немъ, что

---

*) Черемиса о кереметяхъ своихъ отъ чувашъ понятіе имѣютъ нѣсколько особое, они почти каждаго объясняютъ происхожденіе дѣла и приключенія, такъ то: сказываютъ они о Сакпулать-Пинеле, что родился онъ за Волгою въ Санчурскомъ уѣздѣ и какъ онъ весьма злого нрава и жителямъ тѣхъ деревень, коими владычествовалъ, наносилъ много болѣзней и несчастія, то Черемиса, будучи до крайности утѣснены его злодѣяніями, за недостаткомъ у нихъ молодыхъ людей, годныхъ въ рекруты, связавъ отдали въ солдаты. Сей духъ, будучи таковымъ ихъ поступкомъ раздраженъ, оставилъ посвященные ему лѣса, храмы и всѣ приносимыя жертвы. Находясь въ воинской службѣ, въ одно время проходя рощи, окружающія источники и деревни *Юнгу Партмаръ*, ночевалъ въ оныхъ въ разсужденіи веселаго сихъ мѣстъ положенія, избралъ себѣ обиталищемъ и тамо вселился; той деревни Черемиса, узнавъ о его тамъ пребываніи, посвятили ему сіи мѣста, рощи, источники съ чистыми и прохладными водами, соорудили жертвенники и воздвигнули къ жертвоприношенію служащіе требища, гдѣ и приносятъ въ жертву однихъ только молодыхъ жеребятъ по три и по четыре вдругъ; но въ продолженіи Прусской войны и въ отсутствіи *Сакпулать Пинели*, находящагося тогда въ воинской службѣ, его божескими дѣлами управлялъ сынъ его, коему приносили Черемисы однихъ только барановъ, а фамиліи сыновей—куропатокъ, разную дичину и дворовыхъ мелкихъ птицъ; по окончаніи-же Прусской компаніи Сакпулать Пинеля возвратился и обитаетъ въ оныхъ рощахъ и мѣстахъ отъ Черемисъ ему посвященныхъ. О *Макаркуре* говорятъ, что онъ родился Теняковой сотни въ деревнѣ Тептяевой, отъ города Козьмодемьянска въ 30 верстахъ и въ полѣ, а также и въ лугахъ имѣетъ онъ свое пребываніе; оные луга и поле Черемиса называютъ *Макаркуршъ*, которые простираются въ длину на версту и столько-же въ ширину, оно или не пашется и луга не косятся. Черемиса воображаютъ, что онъ будучи одѣтъ въ нѣмецкомъ платьѣ и имѣя на волосахъ своихъ французскій кошелекъ, ѣздитъ въ колесницѣ со слугами, является призывающимъ его больнымъ и ихъ пользуетъ, во время-же его у больныхъ пребыванія; слуги его стоятъ на караулѣ и какъ Черемисенокъ отъ болѣзни своей начинаетъ выздоравливать, жертвуютъ ему одно изъ животныхъ, когда-же не скоро онъ въ совершенныя силы придти можетъ, то изъ мелкихъ здоровыхъ птицъ приносятъ въ жертву и его слугамъ. О *Екюрть-кувадаже*, говорятъ они, что онъ родился на берегу рѣки Юнги, гдѣ онъ и обитаетъ, что онъ злѣе Сакпулать Пинели и Макарнура, всѣми сими управляетъ и они смотрѣть на него не могутъ и что онъ имѣетъ у себя послужныхъ духовъ, называемыхъ *ирижами*, коихъ посылаетъ онъ къ призывающимъ его

имѣетъ онъ четырехъ сыновъ, изъ которыхъ первый называется *серде кебе*, или земная судьба; 2. *Кутыръ султанъ*; 3. *Сивя Зензи Ирзамъ* и 4. *Чильня Зензи Ирзамъ*. Средніе: 1. *Китамъ Ирзамъ*; 2. *Малимъ хозя*; 3. *Миндюбя Ирзамъ* и 4. *Ашулъ-варъ Ирзамъ*. Малыми: 1. *Кеинъ Ирзамъ*; 2. *Видалы Хирзамъ* и *Алзызинзя*. Кромѣ-же оныхъ главныхъ, каждая чувашская деревня имѣетъ особенныхъ своихъ кереметей до 5 и *до 6*, кои имена по большей части получаютъ по названіямъ рѣчекъ и деревень и всякій чувашенинъ вѣруетъ въ 12 кереметей своей и сосѣднихъ деревень; во всякомъ мольбищѣ или загородкѣ почитается киреметь, называемый *Мамаля*, которому приносятъ въ жертву одни только деньги, а живущіе при рѣкѣ Волгѣ, обожаютъ также и сію рѣку и сверхъ обыкновеннаго на своемъ языкѣ названія *Одамъ* [38]), называютъ *Абалъ-Зинзя-Ирзамъ* [39]); кромѣ-же сего имѣютъ нѣкоторые изъ нихъ у себя домовыхъ идоловъ, называемыхъ Ирихами; Ириховъ разумѣютъ духами, кои по просьбѣ своихъ хозяевъ, сосѣдямъ ихъ причиняютъ вредъ и болѣзни и любятъ обитать въ свинечныхъ кружкахъ съ продѣтою въ срединѣ шерстяною крашеною ниткою и къ концу оной привязанною рябиновою съ плодомъ кисточкою, которую они по созрѣніи новаго плода перемѣняютъ; сіе обожаемое вещество обернувъ въ чистое полотно и бересту, подвѣшиваютъ они подъ верхъ, а къ нему прикрѣпляютъ разныя оловянныя и свинечныя бляшки и хранятъ, наблюдая какъ въ нихъ, такъ и около, чистоту; Ирихи добрые называются *хапямъ* [40]), злые-же *Кювамъ* [41]) смирные *Тюрлокъ* *) [42]) у нихъ ничто иное, какъ на двухъ не большихъ дощечкахъ нѣкоторыя изображенія, подобныя коровьей головѣ, которыя также бываютъ у нихъ въ клѣтяхъ.

О божествѣ и о мірѣ понятіе имѣютъ они весьма темное и изъ почитаемыхъ ими божествъ благотворнымъ пребываніе опредѣляютъ въ небесахъ, въ воздухѣ, въ водѣ и въ центрѣ земли; вообще-же какъ о благихъ, такъ и о злыхъ думаютъ, что они существа, ими владѣющія, безсмертныя, премудрыя, невидимыя и непостижимыя.

О Творцѣ разумѣютъ они, что онъ подаетъ имъ хлѣбородіе, одождеваетъ ихъ поля и всякое счастіе ниспосылаетъ. Ему приписываютъ они отца и мать, но понятья объ нихъ не имѣютъ, а сказываютъ, будто навыкли они

больнымъ возвѣстить имъ, дабы немедленной ждали они кончины своей жизни и его бы болѣе жертвоприношеніями, которому посвящаютъ они однихъ только лошадей, небезпокоили. Вообще-же о кереметяхъ своихъ имѣютъ понятія, что они духи безсмертные, или владычествующіе, не видимые, а только являющіеся кому изъ нихъ въ человѣческомъ видѣ и имъ по разсужденію своему наносящіе вредъ и болѣзни.

*) Буинской округи въ деревнѣ, называемой Три-Избы-Шемурилъ [43]), некрещенные Чуваши имѣютъ особо сдѣланныя на полѣ хоромины съ продолговатыми вмѣсто оконъ слухами, гдѣ они въ жертву приносятъ кереметямъ разныхъ животныхъ и кладутъ деньги. Сіи некрещенные чуваши оныя хоромы называютъ тюрями; на дощечкахъ же изображеній, такъ, какъ прочихъ округъ Чуваши, они не имѣютъ.

сперва Творцу приписывать отца и мать, слыша отъ Россіянъ, а потомъ въ послѣдующія времена и прочимъ, такъ какъ и Ирихи введены къ нимъ отъ Чувашъ, произшедшихъ отъ породы Черемисской.

Государю приписываютъ они всѣхъ благодѣтельствующихъ божествъ свойства, какъ то: нѣкоторыя свойства бога вышняго, бога свѣта, солнца, судьбы, бога благодѣянія, бога изобилія, бога предписателя участей, бога покровителя въ водахъ утопаемыхъ и прочихъ, а потому и жертвы какъ съ богомъ вышнимъ, такъ и съ другими, съ каждымъ соединенно Государю они приносятъ. Молитвы-же творятъ во первыхъ призывая вышняго, во вторыхъ Государя, а потомъ по порядку и прочихъ благотворныхъ боговъ употребляютъ. Но о Государѣ воображаютъ они, что онъ посланъ будучи отъ бога вышняго съ небесъ для управленія земнородныхъ и имѣя на всегда съ ними пребываніе, сдѣлался божествомъ земнымъ и смертнымъ.

О Богѣ свѣта воображаютъ, что онъ освящаетъ вселенную; о судьбѣ, или Богѣ, имѣющемъ власть внутри земли и подъ землею, что онъ обитаетъ въ небесахъ и имѣетъ у себя двухъ вѣстниковъ, или служителей, *Пилюгсе* и *Пихамбара*, изъ которыхъ Пилюгсе посылаетъ онъ на землю назначать рожденнымъ младенцамъ участь и записывать даваемыя имъ по рожденію отъ Юмсей имена; сей его служитель по исполненіи возвращается на небеса и *Кебъ* или судьбѣ возвѣщаетъ. *Пихамбора* служитъ для охраненія животины отъ волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей, равно и для даянія во всю вселенную огня; въ разсужденіи чего каждый Чувашенинъ, если начинаетъ варить пиво, то потуда подъ котелъ не подложитъ огня, пока не призоветъ имя *Пихамбора*. О богѣ-дателѣ душъ думаютъ они, что онъ по повелѣнію вышняго бога передъ рожденіемъ младенца даетъ ему душу, которыя прежде рожденія хранятся въ особенномъ мѣстѣ на востокѣ.

О вѣтрѣ воображаютъ, что онъ по просьбѣ Чувашъ на ихъ поля испускаетъ благотворныя дуновенія. О одноличномъ богѣ, что онъ помогаетъ имъ въ ихъ трудахъ и рукодѣліяхъ и употребленная ими пища, помощію его бываетъ здоровою. О сберегателѣ-же стадъ и паствы, что живетъ онъ на землѣ и въ центрѣ оной сохраняя стада отъ припадковъ и не здоровой пищи, подаетъ здравіе, а также сберегаетъ и всѣ сокрытыя въ нѣдрахъ земли сокровища. Въ разсужденіи чего не рѣдко случается, что престарѣлые изъ Чувашъ, почувствуя слабость и приближающейся конецъ жизни, худое поведеніе и распутную жизнь своихъ дѣтей, дабы пріобрѣтенныя имъ деньги во зло употреблять они не могли и не послужили бы къ вящему ихъ несчастію, а чрезъ то-бы и не раздражалъ онъ благотворныя свои божества, трудиться постарались,—благодаря тѣ свои благодѣтельствующія божества, что они ему въ жизни воспользоваться ими благоволили, никому не сказавъ, тайно зарываетъ въ землю, воображая будто возвращаетъ онъ сей металлъ отцу и матери земли и въ сохраненіе оберегателю земныхъ сокровищъ, въ нѣдрахъ оной сокрытыхъ препоручаютъ. О Водышѣ, что онъ, пребывая въ водахъ, къ употребленію дѣлаетъ оныя здоровыми; о богѣ благодѣянія сказываютъ они, что онъ живетъ въ небесахъ и подаетъ имъ благополучныя по ихъ желаніямъ бракосочетанія.

О богѣ, странствующемъ по воздуху, что онъ предваряетъ ко спасенію всѣхъ тѣхъ, кои утопая въ водахъ, его призываютъ и покровительствуетъ по ихъ плавающимъ. *Сюрлань* или летучая змѣя, живущаго въ воздухѣ, признаютъ они дателемъ дѣтородія и увидя онаго, просятъ о дѣтяхъ. Солнце, что благодѣтельствомъ его бываетъ четыре времени года, соспѣваютъ плоды и жатва; рождающимся сыномъ божіимъ чуваши ничто иное называютъ, какъ сѣверное сіяніе и при умноженіи его дѣйствія, когда свѣтится все небо, говорятъ: квахъ хопи озилать [44]), что освященной тверди небесной врата отверзаются и кому то изъ нихъ случится видѣть, почитаютъ за особое счастье, ибо воображаютъ они, будто во время сего отверстія небесныхъ вратъ, твердь небесная рождаетъ сына и при рожденіи его всякая ихъ молитва и прошеніе наиудобнѣйшимъ образомъ доходитъ до бога, въ разсужденіи чего падая на землю, просятъ они наиболѣе о размноженіи пчелъ; дѣйствія-же прочихъ благотворныхъ божествъ по ихъ именамъ означать можно, но изъ нихъ, выключая прежде сказанныхъ и бога изобилія, всѣ пребываніе свое имѣютъ на землѣ.

Злыхъ своихъ божествъ и кереметей разумѣютъ они живущими на землѣ и въ лѣсахъ и изъ нихъ о главномъ *Виляры Ирзамъ* думаютъ, что онъ начала не имѣетъ и старѣе всѣхъ прочихъ, что пребываніе имѣетъ онъ Цивильской округи близь деревни Выли въ лѣсу и при озерѣ отъ нихъ ему посвященныхъ, гдѣ для принесенія оныхъ три зданія и всѣхъ требищъ надѣлано противъ обыкновенныхъ въ большомъ количествѣ. Вокругъ оная обставлена множествомъ съ пчелами ульевъ, изъ коихъ жрецъ, вынимая медъ и сдѣлавъ напитокъ, приноситъ сему Кереметю въ жертву; изъ двухъ его сыновъ 1-й *Сявя* [45]) *Зинзи Ирзамъ* жительствуетъ по рѣкѣ Чилнѣ и ему-же обѣщаются молодые люди, отданные въ рекруты, о благополучномъ окончаніи службы и о возвращеніи въ свое жительство.

О Чеменѣ *), что онъ былъ житель Буинской округи деревни Чеменевой, а почитался онъ народомъ Юмсей, который при смерти родственникамъ своимъ сдѣлалъ завѣщаніе, дабы по кончинѣ, его на общемъ кладбищѣ не хоронили, а похоронили-бы на полѣ, особо на указанномъ отъ него имъ мѣстѣ, родственники завѣщаніе его исполнили и Чуваши по суевѣрію своему, включая его по смерти въ число злыхъ божествъ, считаютъ, что онъ изъ всѣхъ злѣйшій и за самое малѣйшее неисправленіе тягостной не богатому человѣку жертвы, производитъ скорченіе въ жилахъ и прочія неизлѣчимыя болѣзни, въ разсужденіи чего находится у нихъ Чемену посвященныхъ два кереметя или мольбища, въ коихъ приносятъ на жертву однихъ только большихъ животныхъ и жеребятъ, такъ что изъ жителей деревни Чеменевой не имѣютъ у себя жеребцовъ, ибо какъ только родится жеребчикъ, то и посвящаютъ его Чемену въ жертву, а женщины по аршину холста, который они за непремѣнный долгъ почитаютъ напрясть и выткать въ одни сутки. Никакая невѣста, живущая близь той деревни, безъ принесенія жертвы Чемену выйти замужъ не смѣетъ; а иногда случается, что по извѣщенію Юмсей

*) Сходственное имя Чувашенина.

вдругъ заколоть и ему въ жертву принести должна барановъ до 12-ти. Чуваши размолвясь между собою, ходятъ въ его кереметь, принеся Чемену жертву, просятъ отмщенія своимъ недругамъ и будто Чеменъ, услыша просьбу, наноситъ онымъ несносныя болѣзни, напротивъ чего уже другіе удовлетворить стараются великими жертвами, отъ коихъ или совсѣмъ развориться, или умереть отъ злыхъ болѣзней должны. Вообще-же о злыхъ своихъ божествахъ Чуваши воображаютъ, что они имѣютъ фамиліи и дѣтей, такъ какъ и изъ деревень ихъ, по размноженію жителей и по умаленіи пахотной земли, нѣкоторые люди выходятъ и селятся на новыхъ мѣстахъ, съ ними же въ тѣ новыя жительства сіи злые духи переходятъ и къ своимъ сродникамъ для свиданія каждую ночь въ великолѣпныхъ колесницахъ ѣздятъ.

О сотвореніи міра рѣдкіе изъ престарѣлыхъ только ихъ жрецовъ нѣсколько сказать могутъ, говоря:—будто вселенная и стихіи ни кѣмъ не сотворены, вѣчно пребывающія и имъ не постижимы, а потому всѣ вещества, которыя имъ благотворятъ изъ древности и обожать они навыкли. О людяхъ сказываютъ, что сотворены отъ небеснаго бога, сотворены-же прежде были изъ земли, имѣли только виды человѣческіе и были-де безобразны, а потому видя богъ сіе безобразіе, далъ тѣмъ сотвореннымъ души; что при сотвореніи имѣли всѣ одинъ языкъ, одинакое имущество и всѣ были равно богаты, но какъ-де обыкновенно богатство производитъ пышныя и надменныя мысли, то одинъ другого почиталъ себя выше; а также въ короткое время изобрѣтены были и пьяные напитки, пиво и медъ, то люди навыкнувъ наибольшую часть времени препровождать въ пьянствѣ, сдѣлались сварливыми и имѣли между собою всякія ссоры.

Богъ, видя такое неустройство, опредѣлилъ изъ небесныхъ жителей или боговъ Кебе, давъ ему двухъ служителей Пилюгся и Пихамбора, повелѣвъ ему, по его разсмотрѣнію предписывать рождающимся счастливыя участи и дѣлать между людьми различіе, а дабы всѣ земнородныя находились въ порядкѣ, для управленія послалъ съ небесъ божество, назвалъ его Серде Падша, т. е. своимъ образомъ или земнымъ царемъ и произвелъ 77 языковъ; но о сей о сотвореніи міра басни нѣкоторые изъ нихъ крещеные и *учившіеся въ школѣ*, знающіе совершенно россійскій языкъ, утверждаютъ, что Чуваши сію басню сплели, слыша исторію о сотвореніи міра отъ россіянъ и сами-де, какъ безграмотные и никакого закона не имѣющіе люди, онаго понимать и знать не могутъ.

Чуваши благотворныхъ своихъ духовъ обожаютъ и жертвы приносятъ отъ горящей къ нимъ любви и благодарности, или за оказанныя благодѣянія, или, навыкнувъ на всегда отъ нихъ пользоваться, приносятъ о продолженіи оныхъ въ послѣдующіе времена, а злыхъ о отвращеніи нанесенныхъ золъ и болѣзней, или, боясь, дабы они впредь не нанесли имъ каковыхъ несчастій. Въ разсужденіи чего онымъ благотворнымъ своимъ божествамъ, обряды жертвоприношенія совершаютъ они не въ кереметяхъ (загородкѣ или мольбищѣ), но на особомъ мѣстѣ, или въ своихъ домахъ, а для принесенія жертвъ злымъ духамъ, посвящаютъ лѣса, при началѣ-же ихъ дѣлаютъ подобныя квадратной или параллелограмной фигурѣ деревянныя загородки,

именуя ихъ кереметями и каждую загородку того самаго керемятя Чеменемъ, которому она посвящена. Сіи загородки имѣютъ длину отъ запада къ востоку до 40 и до 60 саженъ, въ ширину отъ полуночи къ полудню отъ 30 до 40 и 50 саженъ, со входомъ отъ запада близь онаго, считая отъ западной стороны на право отступя отъ загородки къ востоку сажень, сдѣлано нѣкоторое зданіе, имѣющее къ западу, полуночи и полудню три только стѣны, а внутри лавка, въ нихъ приготовляютъ они въ жертву приносимыхъ животныхъ и ѣдятъ; впереди онаго въ нѣкоторомъ разстояніи сдѣланъ жертвенникъ подобно столу, имѣющій длину отъ полуночи къ полудню 1^1_2 саж. и ширину отъ запада *къ востоку* $1^1/_2$ аршина, съ четырьмя столбами и съ крышкою. На сей жертвенникъ поставляютъ они приготовленныя въ жертву приносимыхъ животныхъ мяса, впереди онаго къ востоку въ загородкѣ и за нею посвященный керемети лѣсъ, изъ коего въ загородкѣ на деревьяхъ вѣшаютъ они снятыя съ принесенныхъ въ жертву лошадей кожи, оставляя при нихъ гривы, хвосты и по колѣна ноги, кои расправляютъ и обращаютъ головами къ востоку, а подъ дерево ставятъ ящикъ, въ который, когда у Чувашъ родится младенецъ, или выдаютъ замужъ дѣвку, кладутъ деньги въ почесть кереметю, называемому *мамаля*; по обѣ стороны отъ жертвенника сдѣланы изъ шестовъ, положенныхъ на столбахъ, отводины. Чуваши воображаютъ, что на жертвенникѣ во время жертвоприношенія присутствуетъ тотъ самый богъ, которому приносится жертва, а на отводинахъ его фамилія. По обѣ стороны жертвенника сдѣланы разныя требища, на коихъ съ заколаемыхъ въ жертву приносимыхъ животныхъ снимаются кожи, вынимаются внутренности и разбираются на части. Сіи загородки жертвенника и прочія, къ жертвоприношенію служащія требища и орудія, не починиваются до того времени, покуда совсѣмъ придутъ въ ветхость и тогда жрецъ, называемый на ихъ языкѣ *мачауръ*, вновь самъ по своему распоряженію строитъ по подобно обыкновеннымъ,—старыя-же сожигаетъ.

У Чувашъ жертвоприношенія совершаются богу вышнему или небесному, двоякія: 1-е, собраніемъ народа въ полѣ, а 2-е дома, а также и въ разныя времена года, изъ коихъ весною и въ началѣ лѣта передъ яровой и паровой пашнями бываютъ съ нижеслѣдующею церемоніею: приведя на мѣсто жертвоприношенія, которое обыкновенно учреждается внѣ кереметя, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, бѣлую лошадь, по собраніи обоего пола народа и дѣтей, начинаетъ играть музыка; въ то время по распоряженію жреца, имѣющаго на себѣ бѣлую одежду, исполняющіе свою чреду люди колятъ лошадь, вынимаютъ изъ нее внутренность, разбираютъ на части и варятъ; народъ, восклицая громогласно: *сирлахъ сирлахъ*[46]. что значитъ спаси, или помилуй и изъ нихъ старшія, окружая приносимую жертву, а женщины и обоего пола молодые люди въ нѣкоторомъ отдаленіи, въ тактъ музыкѣ прыгаютъ. По приготовленіи жертвоприносимаго и по разстановленіи въ два ряда блюдъ, жрецъ, проходя между ими считаетъ, а послѣ приказываетъ разрѣзать изготовленное на части, кладетъ изъ нихъ по одной въ каждое блюдо самъ и наливая по ковшику отвара, отпускаетъ въ домы. Народъ, раздѣлясь на партіи, садится и молодые обоего пола люди сквозь

плетеные изъ мелко раздѣленныхъ лычекъ кончики—цѣлуются: на послѣдокъ оставшееся на мѣстѣ жертвоприношенія ѣдятъ; кости-же и нѣкоторыя части мяса кладутъ на огонь, заваливъ ихъ дровами и когда случится движеніе воздуха и какимъ вѣтромъ подуетъ дымъ, тогда себѣ вмѣняютъ оное за особое благословеніе небесъ; ибо представляютъ они будто, въ то время сквозь дина видятъ нѣкое чудесное явленіе, въ видѣ великаго исполина въ бѣлыхъ одеждахъ и сѣдинами украшеннаго, котораго голова касается небесамъ и ноги землѣ.

Ноября въ первыхъ числахъ, именитые изъ Чувашъ, для изъявленія своей чувствительнѣйшей, за урожай хлѣба благодарности, изъ новосозрѣвшаго, лучшее по ихъ вкусу приготовленное хлѣбенное и пиво, посвящаютъ въ жертву вышнему Богу и Государю. По собраніи гостей, хозяинъ съ домашними сродниками и со всѣми гостями своими, при отворенныхъ дверяхъ, обратившись на востокъ, падаютъ предъ сими благотворными своими божествами, дѣлаютъ поклоненіе и изъ нихъ хозяинъ, держа въ рукахъ чирясъ съ пивомъ, съ благоговѣніемъ на своемъ языкѣ взываетъ: [47]) «Сюльде Торъ Серде Падша, Сирлахъ Онахъ Озяръ; Пазъ Ивылъ Херембере Поръ Малушбола, Хорондашъ Рубола Сине Тыръ бола Хоронла Подоба Печкель Срабола Чокомбола Савза Чукъ-ту ватымъ тава-чокъ-Пазъ Санатыпъ таву Тавурутъ, сирлахъ аслы Сюльде-Торъ Серде-Патша; Харалыхна Сывляхна Ирлыхъ-на батыръ! Пермякшинъ батыръ Перегетня баръ Якситьми дивлетня батыръ», т. е. божество, царствующее въ небесахъ и владычествующее на землѣ, помилуй насъ! съ сынами, съ дочерьми, со всѣми домашними и родственниками моими приносимъ въ даръ и жертву изъ новосозрѣвшаго хлѣба, снѣдь и питіе и вкупѣ съ оными благодарностію и усердіемъ горящіе сердца наши и падая предъ величествомъ небеснаго и земного божества твоего, молимъ, молимъ васъ небесный боже и земной царю! подайте бѣдному своему народу благоденствіе, тишину и изобиліе, брашномъ же и питіемъ наполненными сосуды да не оскудѣютъ». Окончивъ свои молитвы и прошенія, каждый изъ нихъ наливаетъ большой стаканъ, встаетъ на ноги, *обращается къ* востоку и при отворенномъ окнѣ, выговоривъ сперва *аслы ташлама*! За высочайшее здравіе, а потомъ *сюлде торъ* серде падша! въ небесѣ божество и на землѣ образъ его надъ нами владычествуетъ,—выпиваетъ весь стаканъ. По употребленіи же всего, послѣ оставшейся въ посвященной въ жертву бочкѣ, употребляютъ уже они просто и тутъ первый къ столу садится Крюгаси, а потомъ и прочія, оный наливаетъ, а другіе по приказанію его гостямъ подносятъ.

Жертвоприношеніе богу вышнему бываетъ также Декабря въ послѣднихъ числахъ; тутъ хозяинъ дома, посвященный въ жертву отъ пѣгой кобылы гнѣдого жеребенка, съ своею семьею и родственниками обмываютъ всего и копыта чистою водою до того времени, пока онъ отряхнется. Оное воображаютъ они, что ихъ молитва будетъ пріятна и послѣ связавъ—колятъ. Если же всѣ употребленныя ихъ старанія останутся тщетными и жеребенокъ по многому омытію не отряхнется, то, выговоривъ, что богъ его не любитъ, пнувъ отъ себя ногою, вязутъ на веревку и притаща къ котлу

рѣжутъ, что самое разумѣютъ безчестнымъ рѣзаніемъ; заколовъ жеребенка водятъ, а сало, сбирая, мажутъ себѣ и всѣмъ приходящимъ лицо и руки; при чемъ возсылаютъ они вышнему свои молитвы. Подобныя-же сему омытія предъ жертвоприношеніями бываютъ всему скоту, какъ большой животинѣ приносимый въ кереметѣ или на полѣ собраніемъ народа, такъ пернатымъ и малой, жертвуемъ въ домахъ богу грома и молніи одноличному дателю душь, судьбѣ, спутному, боговой матери, отцу и матери земли, предписателю участей, богу изобилія и прочимъ благотворнымъ божествамъ. Чуваши посвящаютъ въ жертву саламату съ масломъ, маленькія прѣсныя лепешки и изъ нихъ богатые каждому особую обще съ Государемъ бочку пива, малоимущіе-же всѣмъ одну и кашу, а первое ведро Государю съ вышесказанными обрядами.

Солнцевой матери бываютъ жертвоприношенія двоякія: 1, такъ, какъ выше сказано, пивомъ съ кашею; а 2, нижеслѣдующимъ образомъ: въ первый день Пасхи, вставъ при восхожденіи зари, чувашенинъ передъ дверьми своего дома разводитъ огонь и стережетъ восхожденіе солнца; при первомъ блескѣ его лучей кладетъ на огонь разныя хлѣбныя приготовленія и яица; кланяясь огню, поминаетъ своихъ умершихъ родственниковъ, богу благодѣянія приносятъ въ жертву пиво, а иногда гнѣдого жеребца, котораго въ образѣ его чтитъ своими молитвами, моютъ чистою водою и падая предъ нимъ на землю, просятъ—говоря [48]: *алыхъ батка крюбаръ*; тобела нанъ баръ сахъ таля очаборъ, т. е. дабы даровалъ онъ имъ сноху противъ печи, зятя у дверей и дѣтей на саганѣ *), послѣ чего колятъ и оному богу благодѣянія жертвуютъ,—колятъ-же они его на дворѣ или на полѣ и лѣвый бокъ въ прокъ оставляютъ, коимъ начинивая бараньи требушины, дѣлаютъ изъ него ширтанъ, а правый—сваривъ посвящаютъ въ *жертву*,—голову же, внутренность и кости, жрецъ сожигаетъ въ огнѣ. Огню жертва приносится дома и чувашенинъ съ своею семьею сваривъ гуся или утку и вставъ на колѣни передъ горнушкою печи, въ которой безъ переводно у нихъ бываетъ жаръ, читаетъ молитву [49]: Водома сирлахъ амбрахъ килемъ сюрдамъ ачамъ пчамъ сывлыхне баръ!—огненное божество, помилуй, спаси и подай здравіе мнѣ и съ домашними моими! Вѣтровымъ крыльямъ приносятъ они жертву съ прочими благотворными божествами, пивомъ, кашею и гусемъ.

Кереметямъ жертвоприношенія бываютъ также двоякія: 1, въ загородкѣ не малымъ количествомъ народа, гдѣ поставляя на жертвенникъ приносимыя животныя мяса въ жертву, жрецъ имѣя на себѣ бѣлую одежду, (бѣлая одежда означаетъ непорочную и добродѣтельную жизнь жреца, ибо онъ такъ, какъ простые Чуваши, излишно-разныхъ пищъ и питья не употребляетъ и имѣетъ одну только жену, а не болѣе, простые-же Чуваши

---

*) Соганъ или полати называются вмѣсто лавокъ и кроватей около стѣнъ сдѣланный обрубъ вышиною въ аршинъ, а шириною въ два съ половиной аршина, на которой поперегъ положены доски.

имѣютъ оныхъ до трехъ и до четырехъ) плещетъ на сучья деревъ, говоря: Кереметь спрлахъ, потомъ отрѣзавъ мяса и воткнувъ на ножъ, предъ оными же вверхъ поднимая, повторяетъ свою молитву разъ до 20-ти и болѣе; на послѣдокъ сваренное ѣдятъ, къ чему приглашаютъ иногда своихъ родственниковъ; нѣкоторыя-же части, такъ, какъ и при прочихъ жертвоприношеніяхъ, въ загородкахъ и на полѣ обыкновенно бываетъ, сожигаютъ на огнѣ, а чего съѣсть будетъ не въ состояніи, отвозятъ домой и дѣлаютъ изъ него ширтанъ. Сіи по обѣщаніямъ и предсказаніямъ Юмсей жертвоприношенія иногда столь для нихъ бываютъ тягостны, что лишаются они послѣдней пищи, домовъ и идутъ вѣчно въ Кабалу и находясь въ такомъ горестномъ и крайнемъ состояніи не получа свободы отъ болѣзни или несчастья ропчутъ на свою вѣру, на изобрѣтателей своихъ преданій и на Кереметей, говоря, что они ничто иное суть, какъ злые духи, влекущіе ихъ въ заблужденіе и несчастіе, поглощающіе ихъ скотъ, пажить, имѣніе и вводящее ихъ въ пагубу. Ирихамъ и Тюрямъ жертвуютъ они бѣлыми утками, саламатомъ, масломъ и маленькими пресными лепешечками; сей обрядъ жертвоприношенія совершается въ домѣ.

Праздествами у нихъ почитаются тѣ самые дни, въ которые бываютъ жертвоприношенія и по умершимъ поминки, изъ коихъ въ первый день Пасхи двоякій обрядъ празднованія Чуваши исправляютъ по утру, такъ, какъ выше сказано, поминаютъ умершихъ и къ вечеру собравшись берутъ въ руки длинные шесты и ходятъ со двора на дворъ, бьютъ оными по хоромамъ, такъ, какъ будто кого выгоняютъ, за что, въ каждомъ домѣ даютъ имъ яйца; обойдя всѣ дома, бѣгутъ съ великимъ стремленіемъ и крикомъ за околицу, выбѣжа за оную, садятся на лугу, дѣлятъ между собою тѣ собранныя яйца и потомъ играютъ въ разныя тутошнія игры, а на послѣдокъ возвращаются въ свои дома,—оное называютъ они гоненіемъ шайтана.

Состояніе человѣка послѣ смерти воображаютъ они двояким, а именно, что добродѣтельно пожившіе чрезъ нѣсколько времени послѣ кончины, съ полунощныхъ небесныхъ странъ переселяются въ страну свѣта и изобилія, *сютъ Малыхра болдыръ*[50]), въ которой обрящутъ своихъ родственниковъ, также скотъ и имѣніе въ гораздо лучшемъ состояніи противъ того, въ какомъ они ихъ на семъ свѣтѣ оставили; упражнявшіеся-же въ скотоводствѣ, въ разныхъ торгахъ и рукодѣліяхъ, жить будутъ отмѣнно богато, а злые горѣть въ огнѣ *Тамыкра боле*[51]).

Нравоученіе о добропорядочной жизни преподаютъ у нихъ изустно и ни отъ кого иного, какъ отца своимъ дѣтямъ; они, научая ихъ жить добродѣтельно и имѣть страннопріимство, пересказываютъ имъ по большей части нѣкоторыя басни и нравоучительныя слова, изъ коихъ здѣсь помѣщаются слѣдующія. «Въ одно время Кебе или судьба, желая узнать въ какомъ положеніи земнородныя жизнь свою препровождаютъ, послала съ небесъ на землю *Пигамбара*, который пришедъ къ богатому Чувашенину и въ видѣ прохожаго проситъ убѣжища въ его домѣ; оный отказавъ ему сурово, велѣлъ идти и ночевать при концѣ деревни въ непокрытой хижинѣ у бѣднаго. *Пигамбаръ*, возвратясь на небо, извѣстилъ объ этомъ Кебе, но та не убѣ-

дясь послала съ тѣмъ же извѣстіемъ. Напослѣдокъ Кебе не увѣряясь имъ обоимъ, снизшелъ на землю самъ и собственно собою испыталъ тоже самое, въ чемъ онъ Пигамбора и Пилюгсе довѣренностію не удостоивалъ. Во время его ночлега въ непокрытой хижинѣ родились у бѣднаго Чувашенина сынъ, а у богатаго дочь. Пилюгсе на землѣ тогда пребывающему Кебе о предписаніи симъ двумъ младенцамъ участей, приказалъ предписать новорожденному бѣднаго сыну счастіе богатаго, а дочери онаго вдовствованіе и бытіе за девятью мужьями; богатый Чувашенинъ узнавъ чрезъ предвѣщаніе Юмсей, что счастіе его переселится должно къ рожденному бѣднаго, сколько его истребить не старался, но покровительствомъ Кебе или судьбы, наслѣдованъ сынъ бѣднаго имѣніемъ богатаго и напослѣдокъ на овдовѣвшей отъ десятаго мужа его дочери женился».

Водта карзассынъ бечендоа кала синня корзасынъ сюкрю симя киртся кала.—Странниковъ почитай, молодыхъ люби и всякому путешествующему дай убѣжище въ своемъ домѣ и пищу.—Сякла кяпла инкаласъ симъ оврумка анчупту — истинствуй въ своихъ словахъ и не возжелай жены ближняго твоего [52]).

У чувашъ весьма важною почитается клятвою перешагнуть чрезъ голую лутошку и если они кого въ кражѣ и завладѣніи, или въ важномъ какомъ злодѣяніи подозрѣваютъ, такъ какъ присягою отъ подозрѣванія себѣ очистить можетъ когда по какимъ нибудь ссорамъ или другимъ причинамъ надобно имъ предъ судьями присягать, то воткнувъ кусокъ на ножъ и насыпавъ на верхъ соли, кладутъ имъ въ ротъ, при чемъ они говорятъ, «что мнѣ этого у себя не видать, если я лгу или въ словѣ своемъ не устою». Рекрутамъ-же даютъ хлѣбъ чрезъ сложенные крестообразно тесаки.

Большая половина Чувашъ приняла съ 1723 года [53]) Грекороссійскую вѣру, однако-же и теперь еще держатся языческаго суевѣрія Чуваши болѣе нежели мордва.

При тогдашнемъ ихъ къ христіанскому закону обращеніи нарочито они управлялись, а въ нынѣшнее время, въ которое безъ собственнаго удостовѣренія никого къ принятію Православной вѣры не принуждаютъ и не отвлекаютъ отъ суевѣрія, они сами, въ разсужденіи тихомирнаго поведенія въ изъявленіи вѣрности и преданности своимъ начальникамъ, крестившимся ни мало не уступаютъ.

Извлеченія изъ „Историческаго описанія о Казанской губерніи".

«Народы, оставшіеся въ языческомъ законѣ Вотяки, Мордва, Черемисы и Чуваши вѣруютъ, что когда по сотвореніи міра, народъ развратился, дѣти вышли изъ повиновенія у отцовъ, братья начали ссориться между собою и каждый человѣкъ одинъ другого обижать; Всевышній Богъ узнавъ о семъ обстоятельствѣ чрезъ нарочно отправленныхъ своихъ съ небесъ вѣстника Пигъ-Амбора и Пилюксѣ, послалъ на землю для управленія рода человѣческаго одного изъ своихъ дѣтей; онъ, царствуя на землѣ и имѣя въ супружествѣ

земнородную, сдѣлался смертнымъ, а потомъ и его потомки,—вѣруютъ они также, что земля производитъ плоды и произрастаетъ хлѣбъ содѣйствіемъ всевышняго Бога, и земля дарствована имъ отъ Государя, коимъ они всѣмъ тѣмъ и обязаны,—въ разсужденіи чего по созрѣніи хлѣба, не вкушая сво прежде сами, приносятъ въ жертву Богу вышнему и царствующему надъ ними Государю».—Обрядъ жертвоприношенія совершается такимъ образомъ.—«Хозяинъ дома выходитъ изъ своей хижины, выноситъ приготовленную жертву, поставляютъ на жертвенникъ, стоящій на травѣ среди двора, обращается къ востоку, становится на колѣни, дѣлаетъ почитаемымъ своимъ Божествамъ Богу вышнему и Государю земное поклоненіе, а за нимъ ево семейство и сродники съ благоговѣніемъ произнося на своемъ языкѣ слѣдующую молитву: «Сюлде торръ, серде падыша сирлагъ! ажагъ газяръ! поръ ывылъ, хиремъ беле поръ молумбола, хорондашъ рубола, хоранла Пудоба, Печкель Сыра бола, савза чукъ тувотыбъ, таза чонъ пось-сяпотыбъ, аслы! солде Торръ! Серде Падыша! Сирлагъ. Хорахалыхна Сывлыхъ-на ырлыхна батыръ, пире пормашкинъ батыръ, перегетня баръ, иксилми дивлетня батыръ. «Божество владычествующее на небесахъ и царствующее на землѣ, помилуй и спаси насъ! Съ сыновьями со дщерьми, со всѣми домашними и родственниками моими приношу въ жертву снедь и питіе и вкупе со оными благодарностію и усердіемъ горящія сердца наши! падая предъ величествомъ небеснаго и земного Божествъ молимъ васъ небесный Боже и земный Царю подайте бѣдному своему народу здравіе, долгоденствіе, тишину и изобиліе, питіемъ же наполненные сосуды да не оскудѣютъ. Чуваши и прочіе вышеозначенные народы Богу вышнему и Государю посвящаютъ по большей бочкѣ меду и пива и другимъ среднимъ и малымъ благотворнымъ божествамъ какъ-то солнцу и прочимъ по бочонку.—Объ остальномъ пространно изъяснено въ моихъ описаніяхъ о сихъ народахъ.

Деревянное зданіе. Новокрешенская школа. Во оной сперва обучались новокрещенныхъ изъ татаръ, чувашъ и черемисъ дѣти; а нынѣ помѣщенъ тамъ низшій россійскій классъ; также находится тамъ больница, въ которой лѣчатся ученики Академіи. Сіе училище въ прежніе годы находилось сначала въ свіяжскомъ первоклассномъ монастырѣ и въ другихъ мѣстахъ, бывши раздѣлено на 4 школы.—Оно находится въ вѣдѣніи Преосвященнѣйшаго и подъ частнымъ надзираніемъ Ректора и Префекта семинаріи».

«Городъ Чебоксары проименованіе свое получилъ, такъ какъ древніе сихъ мѣстъ обитатели сказываютъ, отъ бывшей на оном мѣстѣ въ старинныя времена Чувашской деревни Шобаксаръ, которая по построеніи города *выведена и поселена* въ 12 верстахъ отъ онаго, каковое наименованіе удержали они и понынѣ».

Цивильскъ. «Такъ какъ первоначальные жители сихъ мѣстъ, извѣстные подъ названіемъ Чувашъ, увѣряютъ, что по словесному преданію отъ ихъ предковъ имъ извѣстно, въ древности жилъ тутъ ихъ Чувашскій Князь называемый Пулатъ, который не пожелавъ быть подъ вѣдѣніемъ города Чебоксаръ, уступить преимущество свое прочимъ князьямъ, ѣздить почасту во оной городъ и давать отчетъ, испросивъ позволеніе у царя Іоанна Васильевича, построилъ городъ, куда Его Величество повелѣлъ отправить во-

еводу и учредить тамъ земское Правленіе. Напослѣдокъ князь Пулатъ выведя жителей изъ деревни Сюрбеевой поселилъ ихъ отъ города въ 12 верстахъ.—А прочія деревни Сюрбеевы, которыя построенію города не мѣшали, оставилъ на своихъ мѣстахъ и отъ нихъ сей городъ на чувашскомъ языкѣ получилъ свое наименованіе Сюрбя хола, каковое удержалъ и понынѣ».

Ядринъ — въ 1774 г. «Купецъ Засыпкинъ съ 40 чсловѣками, имѣя собственную мортиру, пушки и прочее огнестрѣльное оружіе, сдѣлалъ изъ города вылазку, разбилъ ихъ (пугачевскія) толпы, спасъ городъ отъ большого опустошенія и раззоренія».

Чистопольскій уѣздъ. Деревни: Шербень и Татарская Киреметь. «Малая Окша, называется по чувашски Хирь-Хола, т. е. дѣвичій городокъ (земляной городъ) съ глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ, длиною 60, шириною 50 саженъ. Чуваши утверждаютъ, что въ немъ имѣла свое пребываніе нѣкая дѣвица дочь Болгарскаго царя. 3-й земляной городокъ при рѣчкѣ Сулча такъ же круглый съ валомъ и рвомъ. Оной городокъ Чуваши называютъ Хола-Вырнъ Киреметь. Они вѣруютъ, что со времени опустошенія ево поселился въ немъ и имѣетъ свое пребываніе ихъ злотворное Божество, называемое на ихъ языкѣ Киреметь, которому страждущіе изъ нихъ разными болѣзнями о освобожденіи отъ оныхъ приносятъ жертву».

Въ лѣсахъ Казанской губерніи «на вершинахъ крутыхъ горъ, при стремнинахъ и при подошвѣ оныхъ, при протекающихъ рѣчкахъ и источникахъ имѣются построенные идолопоклонническими народами, какъ-то: черемисами, вотяками, чувашами и мордвою, молбищи. Въ нихъ злотворному Божеству посвященный лѣсъ огораживается частоколомъ.—Мольбищи имѣютъ фигуру эллипса или продолговатаго 4-угольника со входомъ съ восточной стороны.—Предъ нимъ къ полуночи находятся требища, гдѣ они закалаютъ разныхъ скотовъ, птицъ и звѣрей, приносятъ имъ въ жертву;—нѣкоторыя кости животныхъ сожигаютъ во огнѣ, а послѣднія варятъ въ котлѣ и ѣдятъ.—Внутри сказанныхъ загородокъ между пустыми деревьями находятся и такія, о которыхъ воображаютъ они, что будто въ нихъ сіи злотворныя Божества невидимо обитаютъ, пріемлютъ приносимыя ими молитвы и жертвоприношенія».

«Деревья», изъ которыхъ дѣлаются требища, «удостоиваютъ они къ обитанію злотворныхъ своихъ Божествъ такимъ образомъ: когда придетъ въ ветхость загородка, тогда обставливаютъ ею тѣ деревья вкругъ и чрезъ 3 года считаютъ ихъ священными и удостоенными въ обиталищахъ помянутыхъ Божествъ. Сказанные народы раздѣляютъ свое Божество на 2 рода, т. е., на благотворныхъ и злотворныхъ, подъ названіемъ благотворныхъ разумѣютъ они благотворящихъ имъ Бога вышняго, царствующаго надъ ними Государя, солнце, и прочихъ числомъ до 40, а подъ именемъ злотворныхъ живущихъ въ лѣсахъ и въ водахъ духовъ по ихъ называемые Киреметь, наносящихъ разныя болѣзни, бѣды и несчастія и имъ число не опредѣляютъ».

«Благотворнымъ Божествамъ приносятъ они жертвы какъ общенародныя, такъ и частныя на открытыхъ мѣстахъ иногда и съ музыкой.—Жрецъ предстоитъ жертвеннику въ бѣломъ одѣяніи, такъ же и народъ одѣтый въ

бѣлыя одежды;—а злотворнымъ божествамъ въ лѣсахъ подъ тѣнію деревъ. О семъ обстоятельно значится въ описаніяхъ моихъ о сказанныхъ народахъ».

«Русскіе дворцовые экономическіе, ясашные крестьяне, чуваши, мордва, вотяки, черемисы, и татары состоятъ на положенномъ казенномъ окладѣ. Они упражняются въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ;— къ чему болѣе русскихъ, вотяки, чуваши и мордвы рачительны».

«Вотяки и чуваши народъ весьма трудолюбивый и изобилуютъ хлѣбомъ. Они не только съ великимъ стараніемъ въ работѣ упражняются сами и принимаются за оную съ восхожденіемъ солнца,—но и малыхъ дѣтей своихъ къ тому пріучаютъ, такъ что лѣтъ десяти дѣвочка коситъ сѣно, жатъ хлѣбъ, и убирать ево съ полей научается,—вмѣсто того, что татарскія женщины и взрослыя дѣвки не прежде, какъ въ десятомъ часу утра набѣлившись и нарумянясь выходятъ на работу и не столько упражняются во оной, сколько смотрятъ на народъ мимо ихъ проѣзжающій.—Равнымъ и черемисы ко всему оному не прилежны, отъ чего претерпѣваютъ они во всемъ недостатокъ.—Но къ пороку вотяковъ и чувашъ причесть можно, что они суевѣрны,—ибо начинаютъ косить траву и жать хлѣбъ позже, нежели русскіе, боясь злотворныхъ своихъ Божествъ и воображая, что будто они раннимъ кошеніемъ и жатвою ихъ озлобятъ и навлекутъ на себя ихъ казни. Неменѣе раззоряетъ вообще всѣхъ сихъ народовъ и то, что они, послѣдуя обычаю платятъ за женъ великія деньги, что по ихъ называется калымомъ, которому цѣна время отъ времени возвышается.

По пожалованіи Графомъ Орловымъ вотчины по Волгѣ въ Самарской лукѣ, положили они платежъ за невѣстъ какъ съ татаръ, чувашъ, такъ и съ прочихъ народовъ не болѣе какъ по 5 рублей за невѣсту,—почему всѣ молодые люди поженились, не осталось въ вотчинѣ ихъ ни единой престарѣлой дѣвки, не сталъ народъ болѣе чувствовать тягости и раззоренія[54])».

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Ҫӳк-уйăхĕ.

[2]) Вĕроятнѣй: ҫӳклени.

[3]) Ерне кун—недѣльный день.

[4]) Йун кун.

[5]) Йашка.

[6]) Ҫавăран пулă.

[7]) Шăрттан и ширтан.

[8]) Пĕрле пурăнас. Говорятъ: „ҫăкăр ҫиме кĕр“—войди закусить хлѣба.

[9]) Тӳре.

[10]) Сарă.

[11]) Шупăр.

[12]) Хушпу.

[13]) Смыслъ слова не извѣстенъ, да и написаніе искажено до неузнаваемости.

[14]) Чувашская тевет въ настоящую пору среди нихъ сдѣлалось археологическою рѣдкостью. Лѣтъ 35 назадъ тому въ ядринск. уѣздѣ употреблялась какъ украшеніе для выѣздовъ по преимуществу на свадьбы.

[15]) Туйа встрѣчается еще и нынѣ, напр., въ цивильскомъ уѣздѣ.

[16]) Писмелле пĕр-тĕрли. 1-е слово заимствовано изъ татарской мухаммедданской молитвы, начинающейся словомъ: бисмилля بسم الله رحمن رحيم

[17]) Тав-та-пуҫ Турă, Патша, Пӳлĕх — спасибо (вамъ) Богъ, Царь, Вѣстникъ.

[18]) Çырлах. Обычное выраженіе языческихъ молитвъ.

[19]) Ырӑсем—добрые, святые. Эти божества обслуживаютъ человѣка.

[20]) Йумӑç'ью можетъ быть и мужчина и женщина. Но бываетъ имъ по преимуществу то лицо, которое имѣетъ даръ импровизаціи молитвословій во время жертвоприношеній. Йумӑç вызнаетъ у боговъ волю и сообщаетъ её людямъ. Взаимообщеніе божества и йумӑç'и происходитъ во время сна йумӑç'и. Дѣятельность его или ея происходитъ главнымъ образомъ въ случаяхъ болѣзни или вообще несчастій у чувашина. Вліяніе йумӑç'ей простирается иногда на цѣлые уѣзды, не говоря уже объ обществахъ. Существуютъ прославленные йумӑç'и, къ которымъ пріѣзжаютъ изъ-за сотни верстъ. Когда нужно совершить жертвоприношеніе общественное или частное, не обходится безъ йумӑç'и. Онъ или она указываетъ родъ жертвы и опредѣляетъ мѣсто жертвоприношенія. Больной чувашинъ, утратившій надежду на выздоровленіе, призываетъ йумӑç и исповѣдуетъ предъ нимъ или предъ нею грѣхи свои.

[21]) Калӑм. Въ ядринскомъ уѣздѣ холӑм.

[22]) Хӑта означаетъ свата, а не сватовство. Для послѣдняго существуетъ особый терминъ „Хӗр каласни"—буквально: сговоръ дѣвицы.

[23]) Можетъ быть слѣдовало бы назвать „хӑпартлу ӳкӳлеме".

[24]) Есть слово кӗрӳ—женихъ, младшій зять. „Крюгаси" можетъ быть есть искаженное: аслӑ кӗрӳ. Но посаженнаго отца едва-ли гдѣ-либо зовутъ такъ. Обычное его имя хӑйматлӑх атте.

[25]) Пӳлӗх—вѣстникъ.

[26]) Сыпӑклӑ кӗпӗ.

[27]) Хӑйматлӑх.

[28]) Тибя (?) патӑр, умӑнта пултӑр, пусть тебѣ будетъ, предъ тобою будетъ.

[29]) Çиӳӳёшне ирттерес—провести седьмой (день).

[30]) Çылӑх (?) ирттерес—грѣхъ провести.

[31]) Ĕç.

[32]) Аттене тибя (?) патăр, аннене тибя (?) патăр.

[33]) 1) Çӳлти Турă, 2) Турă Ашшĕ, 3) Турă Амăшĕ, 4) Çĕрти патша, 5) Çутă тĕнӗе (?), 6) Çӳлти Кепе, 7) Ҫун çуратан или çуратакан Турă, 8) Хĕвел, 9) Хĕвел Амăшĕ, 10) Етем (?) Турă, 11) Ырă Турă, 12) Перекет Турă, 13) Перекет Амăшĕ, 14) Çӳрен Ырă, 15) Çĕр Ашшĕ, 16) Çĕр Амăшĕ, 17) Çуратан Турă, 18) Пӳлĕхçĕ, 19) Пӳлĕхçĕ Амăшĕ, 20) Пихампар, 21) Сурăх ашшĕ, 22) Пĕр Тĕрли, 23) Çĕлен (?), 24) Ĕç Турă, 25) Килти Турă, 26) Картари Турă, 27) Шыври (?) Турă, 28) Вăрман Турă, 29) Хирти Турă, 30) Çил, 31) Çил Амăшĕ, 32) Вутă—огонь, 33) Çил çунаҫĕ.

[34]) Аслă.

[35]) Вăта (çĕрти).

[36]) Кĕçĕн.

[37]) 1) Вылари ырăсем, сынъ его çĕрти кепе, 2) Кутăр султан (?), 3) Сĕве çинҫи (?) ырăсем, святые, находящіеся въ Свіяжскѣ (или на Свіягѣ), 4) Ҫилнĕ çинҫи Ырăсем, благіе (святые), находящіеся на Цильнѣ (рѣкѣ), средніе: 1) китам (?) Ырăсем, 2) Малим Хуçа, 3) Минтӳпе (?) Ырăсем, 4) Ашул-вар Ырăсем, благіе (или святые), находящіеся въ ажуловомъ оврагѣ, малые: 1) Кĕçĕн Ырăсем—младшіе святые, 2) Вăталăх Ырăсем—средніе святые, 3) Алси çинҫи (?).

[38]) Атăл. Греческіе писатели называли можетъ быть со словъ туземныхъ жителей Ἴτηλ.

[39]) Атăл çинҫи ырăсем, Волжскіе святые.

[40]) Ханям авторъ, вѣроятно, поставилъ вмѣсто слышаннаго имъ хайар—злой.

[41]) Кювам. Авторъ, конечно, слышалъ йăваш—смирный, кроткій, но поставилъ вм. хайар.

[42]) Тӳрĕлĕх (?).

[43]) Три—избы Шемурши.

[44]) Кăвак хуппи уçăлаҭ.

[45]) Вѣроятно, нужно было поставить слово „Цильна“.

[46]) Çырлах, çырлах.

[47]) Правильный текстъ этой молитвы такой: çӳлти турӑ çӗрти патша, çырлах, ан пӑрах, каçар; пур ывӑл-хӗрӗмпеле, пур мулӑмпала, хурӑнташ ӑрупала çиме тырӑ-пулӑпала хуранпа, пӑтӑпа, пиҫке сӑрапала ҫунӑмпала савса ҫӳк тӑватӑп, таса ҫунпа асӑнатӑп, тав-тӑватӑп, çырлах, аслӑ çӳлти турӑ, çӗрти патша; хура халӑха сывлӑх, ырӑлӑх пар, перекет пар, иксӗлми тивлет пар.

[48]) Алӑк патне кӗрӳ пар, тӳпеле кин пар, сак тулли аҫа пар.

[49]) Вутӑм, çырлах, ан пӑрах; килӗм-çуртӑм аҫам-пӑҫама сывлӑх пар.

[50]) Çутӑ çанталӑкра пултӑр—пусть будетъ въ свѣтломъ мірѣ.

[51]) Тамӑкра пулӗ—будетъ въ аду.

[52]) Чувашскій текстъ и русскій переводъ правильнѣй нужно передать такъ: Вутта курсассӑн, пӗҫӗен тӑма кала; çынна курсассӑн, сӑкӑр çиме кӳртсе йар.—Увидѣвъ огонь, вели быть (ему) одинокимъ (т. е. не распространяться на окружающіе домы и строенія); увидѣвъ человѣка, (идущаго со стороны), прими и накорми хлѣбомъ. Çапла капла ан калаç, çын арӑмне ан ҫупту. Такъ и сякъ не говори. Чужой жены не цѣлуй.

[53]) Годъ крещенія указанъ неправильно. Архивныя данныя свидѣтельствуютъ, что чуваши впервые и сравнительно въ большомъ количествѣ крестились въ 1552 году, съ 1553—1740 годъ были лишь случайныя обращенія чувашъ въ христіанство, главная масса ихъ крестилась между 1741—1764 гг.

[54]) По сообщенію свящ. А. С. Иванова, одна изъ графинь Орловыхъ принималъ дѣятельное участіе въ крещеніи чувашъ. (Чтенія въ Моск. обществѣ ист. и древн. росс., 1903 г., т. IV: „О графинѣ А. А. Орловой-Чесменской, какъ ревнительницѣ просвѣщенія чувашъ—язычниковъ“).